

400-ЛЕТИЕ ДОМА РОМАНОВЫХ

ЕКАТЕРИНА II

БЕЗ РЕТУШИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
амфора

А. Р. Фадеева
Екатерина II без ретуши
Серия «400-летие дома Романовых»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10831354
Екатерина II без ретуши : [антология] / [сост., предисл. А. Фадеевой]: Амфора; Санкт-Петербург; 2009
ISBN 978-5-367-01218-7

Аннотация

В книге собраны воспоминания, фрагменты переписки, документы, позволяющие взглянуть на императрицу Екатерину II непредвзято – вне установившихся штампов и стереотипов, узнать, какой она была в повседневной жизни, и по-новому оценить итоги ее царствования.

Содержание

Предисловие	5
Часть I	10
Часть II	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Екатерина II без ретуши

сост. А. Р. Фадеева

© Фадеева А., составление, предисловие, 2009

© Оформление. ЗАО ТИД «Амфора», 2009

* * *

Предисловие

Эта книга представляет собой взгляд на российскую императрицу Екатерину II Алексеевну. Взгляд без глянца, ретуширования и фальши. На дела, мысли, мечты Екатерины II мы смотрим глазами самой императрицы, ее приближенных, ее корреспондентов по переписке, ее современников. Подобный подход позволит читателю увидеть личность Екатерины II во многом по-новому.

Екатерине II посвящено огромное множество классических научных монографий. В них она предстает перед нами и Северной Семирамидой, и душительницей казачьей вольницы – Пугачевского восстания, и просвещенным монархом, и венценосной путешественницей. Немало работ и эпистолярного характера, в основном посвященных фаворитам императрицы. Подобные сочинения вносят элемент скандальности и «желтизны». Мы же предприняли попытку отойти от указанных выше стереотипов и посмотреть на биографию Екатерины II как на биографию женщины: сначала молодой девушки, потом нелюбимой жены, а впоследствии и первой дамы Российской империи.

Настоящее имя Екатерины II, а точнее ее имя до приезда в Россию, было София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская. Она родилась 21 апреля 1729 года в маленьком провинциальном немецком городке Штеттин (сейчас это польский город Щецин). Отцом будущей императрицы был Христиан Август Ангальт-Цербстский. Он состоял на службе у прусского короля, был полковым командиром, комендантом, затем губернатором города Штеттина. Матерью Софии приходилась Иоганна Елизавета, из рода Гольштейн-Готторп. Родители Софии сочетались браком, когда Христиану Августу было тридцать семь лет, а Иоганне Елизавете всего шестнадцать.

Несмотря на столь знатную родословную, семья герцога Цербстского была небогатой. Фике, так домашние называли Софию Августу Фредерику, не могла получить ни блестящего образования, ни достойного для княжеского рода воспитания, что объяснялось недостатком средств. В семье, помимо Софии, было еще четверо детей, которые росли болезненными и требовали дополнительного внимания. Мать Фике не особо занималась домашними делами, предпочитая этому балы, путешествия и развлечения. Неудивительно, что будущая российская императрица получила достаточно скромное образование. Она училась лишь немецкому языку, танцам и музыке. И только ее воспитательница, мадам Кардель, о которой Екатерина II на протяжении всей жизни сохраняла самые теплые воспоминания, пыталась вложить в нее нечто большее, чем обычные знания. Такой подход к воспитанию Софии Августы Фредерики объясняется еще и тем, что ее готовили к замужеству за каким-нибудь мелким князем. Однако этой девушке была уготована другая судьба.

В России в это время царствует Елизавета, и, выбирая невесту для своего племянника, она обращает внимание на прелестную Фике. Почему императрица из огромного количества претенденток выбрала в жены великому князю Петру именно ее? Ответить однозначно достаточно сложно – возможно, в Елизавете заговорили ее старые чувства к несостоявшемуся жениху Карлу, который принадлежал к Голштинскому дому. А возможно, она просто руководствовалась здравым смыслом: столь простая девушка, не обладавшая обширными династическими связями, не избалованная придворной жизнью, не будет привлекать излишнее внимание к своей персоне и будет верной опорой своему мужу. Как мы знаем, судьба распорядилась по-другому. София Августа Фредерика вписала себя крупными буквами в историю России XVIII века, став для своих подданных «Матерью Отечества».

В 1743 году принцесса Фике получает приглашение от императрицы посетить Санкт-Петербург, а вместе с приглашением и изрядную сумму денег на дорожные расходы. И уже в 1744 году София инкогнито прибывает в Россию вместе со своей матерью. Дальше события

начинают разворачиваться стремительно. По воспоминаниям современников, юный великий князь Петр Федорович и молодая принцесса с первого взгляда понравились друг другу. София Августа Фредерика принимает православие и имя Екатерины Алексеевны, происходит ее помолвка с наследником престола, они начинают совместную жизнь.

При ближайшем рассмотрении Петр Федорович оказался совсем другим человеком. Он удивлял Екатерину своим инфантилизмом, странными наклонностями и бестактностью. Петр любил играть со своими солдатами, празднично проводить вечера с приближенными, муштровать свои полки, специально выписанные из Пруссии. К тому же Петр не слишком серьезно относился к супружеской клятве и не был верным мужем. Это иногда доходило до крайностей, когда он советовался с Екатериной относительно своих внебрачных связей.

Неудачная семейная жизнь Екатерины побуждает ее заниматься самообразованием. Она читает книги по истории, философии, юриспруденции, сочинения античных авторов, французских просветителей. А главными развлечениями для нее стали охота, верховая езда, маскарады и танцы. Между тем императрица Елизавета все чаще выражает недовольство тем, что у молодых супругов нет детей. Взяв ситуацию в свои руки, императрица вводит в круг общения Екатерины Алексеевны графа Сергея Салтыкова. Как бы то ни было, 20 сентября (1 октября) 1754 года Екатерина родила будущего наследника престола, Павла Петровича. По воле императрицы Елизаветы сына у Екатерины сразу же забрали и лишили ее возможности его воспитывать, позволяя лишь изредка видеться. Екатерина вспоминала, что здесь с ней обошлись крайне грубо – как только младенец появился на свет, про нее тут же забыли, и никто не обращал внимания на принцессу, которая к тому же очень тяжело перенесла роды.

После рождения Павла отношения с мужем и Елизаветой Петровной окончательно испортились. Петр продолжал предаваться детским забавам и пьянству. Екатерина продолжала изучать различные науки, читать и вести достаточно скучную жизнь при дворе, время от времени, в свою очередь, заводя романы. Именно на этот период приходится ее любовная связь со Станиславом Понятовским. Он открывает череду ее блестящих фаворитов, большинство из которых сыграли видную роль в истории России.

Время бежало быстро, в 1761 году скончалась императрица Елизавета. Императором России стал нелюбимый муж Екатерины, Петр Федорович, теперь уже Петр III. Этот император весьма противоречив в оценках историков. Одни исследователи считают Петра ничемным, недалеким политиком, неспособным управлять огромной империей, другие представляют картину его царствования в более умеренных тонах. Но результат очевиден – через полгода произошел дворцовый переворот, один из последних дворцовых переворотов, который привел к смене власти. Теперь российский трон на тридцать четыре года заняла немецкая принцесса София Августа Фредерика.

Возможно, что ее восшествие на престол это просто дело случая. Ведь если бы Елизавета Петровна не была бездетна, если бы не объявила своим наследником герцога Карла Петра Ульриха (Петра III), если бы не решила женить его на немецкой принцессе Софии Августе Фредерике Ангальт-Цербстской, наконец, если бы Петр был умнее, а София Августа не столь тщеславна... то наша история пошла бы по совсем другому пути. Но история, как известно, не знает сослагательного наклонения.

После смерти Петра III, в момент восшествия на престол, по словам самой же Екатерины II, страна находилась в критическом состоянии: финансы были запущены, отсутствовали даже сметы доходов и расходов, армия не получала жалованья, флот был в плачевном состоянии, крепости разрушались. К тому же императрица постоянно чувствовала шаткость своего положения, несмотря на то что от свергнутого супруга удалось избавиться – через несколько дней после переворота его лишили жизни гвардейцы, приставленные для охраны. Сын Павел серьезной угрозы не представлял, поскольку не имел опоры

ни в гвардии, ни при дворе. Самым опасным претендентом на престол Екатерина считала 22-летнего Иоанна Антоновича, сына императрицы Анны Леопольдовны, который был заключен в Шлиссельбургской крепости. Неслучайно императрица вскоре после воцарения захотела увидеть его собственными глазами. Он выглядел физически здоровым, но многолетняя жизнь в полной изоляции сделала свое дело – он оказался умственно неразвитым, больным человеком. Екатерина II несколько успокоилась, но полной уверенности, что имя Иоанна Антоновича не станет препятствием для ее царствования, у нее не было. И, как показали последующие события, ее опасения были не напрасны.

Во время ее путешествия в Прибалтику в 1764 году, где Екатерина II прославляла себя как внучку Петра Великого, произошла попытка совершения дворцового переворота. Один из младших офицеров, служивших в Петербурге, а именно В. Я. Мирович, попытался освободить Иоанна Антоновича из крепости и возвести его на престол. Этот заговор мог лишить императрицу трона, но солдаты и офицеры Шлиссельбургской крепости проявили твердость: Иоанн Антонович был убит, а Мирович – арестован.

Трудно понять, как иностранка, фактически убившая собственного мужа, лишив его престола, окружившая себя фаворитами, могла удерживать российский престол в течение тридцати четырех лет. Что помогло ей в этом? Возможно, она уяснила, что ее единственный выход – «стать более русской, чем сами русские». Существует анекдот, который передает отношение Екатерины к своему положению. Как-то она заболела, и врач «пускал» ей кровь. Когда ее спросили о самочувствии, она ответила, что теперь все будет хорошо, так как последнюю немецкую кровь из нее выпустили, осталась одна русская.

Екатерина II старательно изучала русский язык, русские обычаи, особенно усердствовала в изучении православия. В связи с этим нельзя обойти вниманием набожность молодой императрицы. Она считала себя главой и защитницей Русской православной церкви. Вскоре после восшествия на престол, в 1763 году, она совершила паломничество по святым местам центральной России, а именно в Ярославль и Ростов Великий, где усердно молилась. Однако в более поздних воспоминаниях она открыто говорила, что на молебнах ей бывало скучно, и искренне возмущалась тем, что на папертях русских церквей такое количество нищих. Вера ее, по-видимому, была не слишком глубока. Кроме того, она проповедовала веротерпимость: императрица всегда проявляла внимание к проблемам других конфессий, прекрасно отдавая себе отчет в том, что Россия – многоконфессиональная страна. При ней было прекращено преследование старообрядцев, строились католические и протестантские церкви, мечети. Но все это не помешало ей провести секуляризацию церковных земель в пользу государства.

Екатерину II Алексеевну ожидало продолжительное и необычайное царствование, ставшее целой эпохой в истории России. Она многое изменила в законодательной сфере, в государственном устройстве, во внутренней и внешней политике России. При ней границы империи раздвинулись еще дальше на запад, юг и восток. Начиная активно функционировать Московский университет, развивалось женское и начальное образование. Могущество русской Церкви было поставлено под полный контроль государства, был решен вопрос о церковном землевладении. Дворянство обрело вольности и права, переживая свой золотой век. Города расширялись, строились по регулярному плану, приобретая столичные черты. Губернии и уезды кроились по новому образцу, создавался новый тип местного самоуправления. Бюрократическая машина начинала набирать ход.

Разумеется, одна Екатерина II не справилась бы с таким количеством дел и, как любой хороший управленец, вела разумную кадровую политику, стараясь доверять людям ярким и талантливым. По ее собственному признанию, она не обладала творческим умом, но хорошо улавливала всякую дельную мысль и использовала ее в своих целях. Екатерина Алексеевна подчиняла себе людей разными средствами – то мягким обращением и добро-

желательностью, то игрой на их самолюбии и честолюбии, внушая им, ради выполнения долга и расположения к ним императрицы, готовность к самопожертвованию.

Вместе с тем Екатерина II была очень тщеславна и более всего на свете дорожила своей властью. Ради ее сохранения она готова пойти на любые компромиссы в ущерб своим убеждениям. К негативным чертам характера императрицы можно отнести и ее пристрастие к внешнему блеску, помпезности. Младший современник Екатерины II, знаменитый историк Н. М. Карамзин, верно подметил такую особенность императрицы, как ее интерес не к сущности вопроса, а к его внешней форме, желание демонстрировать благополучие, которого не существовало. Стоит обратиться в качестве примера к двум последним путешествиям императрицы (в Белоруссию в 1780 году и в Крым в 1787-м), обставленные с пышностью и блеском, стоившие казне огромных затрат. В письме к Вольтеру она явно приукрашивает действительность, говоря, что налоги в России необременительны, что в России нет мужика, который бы не имел курицы на обед, и в то же время каждое путешествие императрицы ложилось тяжелым бременем на русских крестьян. Получалась парадоксальная ситуация: в каждой такой поездке Екатерина вела себя как щедрая благотворительница, но эта щедрость всегда подкреплялась специальным налогом на поставку лошадей, провизии и фуража для путешественников.

Но в общении с подданными Екатерина II была, как правило, сдержанна, терпелива, тактична. Она была прекрасным собеседником, умела внимательно выслушать каждого. До последних лет царствования, и в счастливые дни, и в трудные времена, она по утрам встречала статс-секретарей с неизменной улыбкой. Кроме того, Екатерина была очень работоспособным человеком: занималась делами по двенадцать часов в день, и ничто не могло помешать ее планам. Даже предпринимая путешествия, которые иногда продолжались больше полугода, она ни разу не изменила установленному распорядку дня: ранний подъем, работа, завтрак, опять работа, обед, работа, ужин.

Такие успехи в управлении огромной страной, как во внутренней, так и во внешней политике, стоили императрице очень дорого. Она часто подчеркивала в себе мужской склад характера и была лишена счастья быть женщиной в высшем, человеческом смысле этого слова – возможности познать истинные материнские чувства, полностью отдаваясь воспитанию ребенка, или посвятить себя любви к единственному мужчине. Вероятно, Екатерина Алексеевна была не из тех женщин, которые могли вести такой образ жизни. А возможно, Екатерине просто не посчастливилось встретить достойного человека.

Как бы там ни было, время Екатерины II – расцвет фаворитизма. Расставшись после восшествия на престол со Станиславом Понятовским, дав отставку в начале 1770-х годов Г. Г. Орлову, она впоследствии сменила целый ряд фаворитов. Часто с фаворитом Екатерина проводила несколько лет, а затем расставалась по самым разным причинам (из-за его смерти, измены или недостойного поведения), но никто не был подвергнут опале. Все фавориты были щедро награждены – чинами, титулами, деньгами и крепостными крестьянами. Всю свою жизнь Екатерина искала мужчину, который был бы ее достоин, разделял бы ее убеждения и взгляды. Но найти такого человека, как уже было сказано выше, ей, по-видимому, так и не удалось.

Какой бы талантливой и великой Екатерина Алексеевна ни была, она простой человек, а все люди смертны. Утром 6 ноября 1796 года императрица не собиралась ничем нарушать привычный распорядок дня. Встав с постели и выпив чашку кофе, она отправилась в туалетную комнату, где задержалась несколько дольше обычного. В этот день дежурным камердинером при Екатерине был Захар Зотов, который, обеспокоенный такой задержкой императрицы и почуяв недоброе, осторожно заглянул в туалетную комнату и с ужасом увидел на полу распростертое тело Екатерины. Императрицу перенесли в опочивальню, постелили на полу красный сафьяновый матрац и уложили на него. У Екатерины случилось кровоизли-

яние в мозг. Врачи пытались ее спасти: прикладывали к ногам шпанские мушки, давали ей рвотные порошки, наконец, пустили кровь. Но все было тщетно. В 9 часов 45 минут вечера лейб-медик Роджерсон объявил, что императрица Екатерина II скончалась.

Наступил момент, которого сын Екатерины, Павел Петрович, ждал всю жизнь. Он стал императором России, место на троне наконец-то было свободно. Видимо, его нелюбовь к матери была столь велика, что это чувство руководило Павлом I даже в вопросах управления страной. В любой сфере политики, где Екатерина II проводила какие-либо реформы, Павел I стремился все делать наоборот. Но главным, как нам кажется, в его отношениях с матерью было то, что он с детства не получал от нее должного внимания. Сначала их разлучила Елизавета, а потом уже и самой Екатерине он казался чужим. Однако Екатерина Алексеевна очень любила своих внуков, Александра и Константина, посвящала им много времени, лично занималась их образованием и даже, как любая бабушка, баловала их. На государственном уровне эта любовь проявилась весьма необычно: Екатерина задумала лишить Павла трона и передать престол сразу старшему внуку, Александру, но, встретив сильное сопротивление сановников, была вынуждена отказаться от этой идеи. Павел и здесь сумел пойти наперекор матери – его закон о престолонаследии 1797 года запрещал женщинам наследовать трон и устанавливал четкий принцип передачи власти лишь по мужской линии.

Еще задолго до кончины Екатерина II составила эпитафию для своего будущего надгробия: «Здесь покоится Екатерина Вторая. Она прибыла в Россию в 1744 году, чтобы выйти замуж за Петра III. В четырнадцать лет она приняла троякое решение: понравиться своему супругу, Елизавете и народу. Она не упустила ничего, чтобы добиться в этом отношении успеха. Восемнадцать лет, исполненных скуки и одиночества, побудили ее прочесть много книг. Взойдя на российский престол, она приложила все старания к тому, чтобы дать своим подданным счастье, свободу и материальное благополучие. Она легко прощала и никого не ненавидела. Она была снисходительна, любила жизнь, отличалась веселостью нрава, была истинной республиканкой по своим убеждениям и обладала добрым сердцем. Она имела друзей. Работа давалась ей легко. Ей нравились светские развлечения и искусства».

А. Р. Фадеева

Часть I

Приезд в Россию. Замужество

Екатерина II (1729–1796), всероссийская императрица. Из «Записок» Екатерины II:

Я родилась в Штеттине, в Померании, 2 мая нового стиля 1729 г. Моя мать, вышедшая замуж за моего отца в 1727 г., пятнадцати лет от роду, чуть не умерла, производя меня на свет. С большим трудом она поправилась через 19 недель болезни. Когда мне было два года, меня сдали на руки одной француженке, девице, дочери профессора из Франкфурта-на-Одере, по имени Кардель. В три с половиной года, говорят, я читала по-французски; я этого не помню. . . . Знайте, что я родилась в доме Грейфенгейма, в Мариинском приходе, что я жила и воспитывалась в угловой части замка и занимала наверху три комнаты со сводами, возле церкви, что в углу. Колокольня была возле моей спальни. Там учила меня мамзель Кардель и делал мне испытания (Prüfungen) г. Вагнер. Через весь этот флигель, по два или по три раза в день, я ходила, подпрыгивая, к матушке, жившей на другом конце. . . . В 1737 г. я была с матерью в первый раз в Берлине; теперешняя королева, которая там находилась, пожелала меня видеть. Я поехала ко двору, меня заставили болтать, играть; я ужинала с королевой, а потом у наследного принца. Мы оставались всю зиму в Берлине. С этого года до 1743-го я проводила каждый год по 2 месяца в Брауншвейге, зиму в Берлине, а остальное время до 1740 г. в Штеттине, а потом в Цербсте.

Варвара Николаевна Головина (1766–1819), графиня, урожденная княжна Голицына. С детства была приближена ко двору Екатерины II, которая ее любила. Из «Записок»:

Императрица была воспитана при дворе принца Ангальтского, своего отца, невежественной и плохо воспитанной гувернанткой, которая едва могла научить ее читать.

Андрей Тимофеевич Болотов (1738–1833), писатель, философ, агроном, ботаник. Из «Жизни и приключений Андрей Болотова, описанных самим им для своих потомков»:

Сей голштинский принц (будущий Петр III) был еще в 1742 году, когда было ему только 14 лет от рождения, признаваем наследником шведского и российского престола и получал уже от Швеции титул королевского высочества.

Из «Записок» Екатерины II:

Отец Петра III, голштинский герцог Карл Фридрих – племянник шведского короля Карла XII, – был государь слабый, бедный, дурен собою, небольшого роста. . . . Он умер в 1739 году, и опеку над его сыном, которому тогда было около 11 лет, принял его двоюродный брат, герцог Голштинский и епископ Любекский, Адольф Фридрих, вступивший потом, вследствие Абовского мира и по ходатайству императрицы Елизаветы, на шведский престол. В первый раз я увидела Петра III одиннадцати лет, в Евтине, у его опекуна, принца-епископа Любекского, через несколько месяцев после кончины отца его, герцога Карла Фридриха. Это было в 1739 году. Принц-епископ созвал в Евтине всех родственников, чтобы представить им своего питомца. Моя бабушка (мать принца-епископа) и сестра его, моя мать, приехали из Гамбурга и привезли меня с собою. Мне было тогда десять лет. Кроме того, там были еще принц Августин и принцесса Анна, брат и сестра принца-опекуна и прави-

теля Голштинии. Там я услышала, как собравшиеся родственники толковали между собою, что молодой герцог наклонен к пьянству, что его приближенные не дают ему напиваться за столом, что он упрям и вспыльчив, не любит своих приближенных и особливо Брюмера; что, впрочем, он довольно живого нрава, но сложения слабого и болезненного. Действительно, цвет лица его был бледен; он казался тощ и нежного темперамента. Он еще не вышел из детского возраста, но придворные хотели, чтобы он держал себя как совершеннолетний. Это тяготило его, заставляя быть в постоянном принуждении. Натянутость и неискренность перешли от внешних приемов обращения и в самый характер. Мать его, дочь Петра I, скончалась от чахотки через два месяца после его рождения... Ее сокрушили тамошняя жизнь и несчастное супружество. Главными воспитателями Петра III были гофмаршал двора его, Брюмер, родом швед, потом обер-камергер Берхгольц и четыре камергера, из которых один – Алхерфельдт, написавший историю Карла XII. Вахмейстер был швед, а двое других, Вольф и Мадфельдт – голштинцы.

Из «Жизни и приключений Андрея Болотова, описанных самим им для своих потомков»:

Всем известно, что был сей (будущий) государь хотя и внук Петра Великого, но не природный россиянин, а рожденный от дочери его, Анны Петровны, бывшей в замужестве за голштинским герцогом Карлом Фридрихом, в Голштинии, и воспитанный в лютеранском законе, следовательно, был природою немец и назывался сперва Карлом Петром Ульрихом.

Станислав Август Понятовский (1732–1798), граф Понятовский, последний польский король и великий князь литовский (1764–1798), один из фаворитов будущей императрицы, Екатерины II. Из «Мемуаров»:

Бабушка принца была сестрой Карла XII, его мать – дочерью Петра Великого, и тем не менее природа сделала его трусом, обжорой и фигурой столь комичной во всех отношениях, что, увидев его, трудно было не подумать: вот Арлекин, сделавшийся господином. Принцу было лет двенадцать или тринадцать, когда Елизавета вызвала его в Россию, велела ему принять православие и провозгласила своим наследником. Принц сохранил, однако, верность лютеранской церкви, крестившей его при рождении, преувеличенное представление о значительности своей Голштинии и убеждение, что голштинские войска, во главе которых он будто бы сражался и побеждал бог весть сколько раз, были, после прусских, лучшими в мире и намного превосходили русские.

Клод Карломан Рюльер (1735–1791), французский писатель и поэт, в начале 1760-х гг. был секретарем при французском посланнике в России Бретейле. Из «Истории и анекдотов революции в России в 1762 году»:

На четырнадцатом году Петр III прибыл в Санкт-Петербург, 5 февраля 1743 г. По принятии греко-российского исповедания наречен Петром Федоровичем и манифестом 7 ноября объявлен Великим Князем и наследником Всероссийского престола.

Из «Жизни и приключений Андрея Болотова, описанных самим им для своих потомков»:

Вскоре потом, а именно в 1744 году, совокуплен браком на выписанной также из Германии немецкой ангальт-цербстской принцессе Софии Августе, названной потом Екатериною Алексеевною.

Из «Записок» Екатерины II:

Народ дорогой говорил: «Это везут невесту для Великого Князя». В 7 верстах от города камер-юнкер, в настоящее время камергер Сиверс (которого я знала с Берлина, куда он возил королю орден св. Андрея Первозванного), приехал к нам навстречу с приветствиями от имени Императрицы и поместился в санях, где я была с матерью. Проехав через весь город, мы вышли у Головинского дворца, где увидели принца Гомбургского и весь двор внизу лестницы.

Из «Истории и анекдотов революции в России в 1762 году» Клода Карломана Рюльера:

Великий князь Петр Федорович, с коим она была в близком родстве, по разным политическим переворотам призван был из Голштинии в Россию как ближайший наследник престола; и когда принцессы знатнейших европейских домов отказались соединить судьбу свою с наследником столь сильно потрясаемого царства, тогда избрали Екатерину в супружество. Сами родители принудили ее оставить ту религию, в которой она воспитана, чтобы принять греко-российскую, и в условии было сказано, что если государь умрет бездетен от сего брака, то супруга его непременно наследует престол.

Чтобы судить о его характере, надо знать, что воспитание его вверено было двоим наставникам редкого достоинства; но их ошибка состояла в том, что они руководствовали его по образцам великим, имея более в виду его породу, нежели дарования. Когда привезли его в Россию, сии наставники, для такого двора слишком строгие, внушили опасение к тому воспитанию, которое продолжали ему давать. Юный Князь взят был от них и вверен подлым развратителям; но первые основания, глубоко вкоренившиеся в его сердце, произвели странное соединение добрых намерений под смешными видами и нелепых начертаний, направленных к великим предметам. Воспитанный в ужасах рабства, в любви к равенству, в стремлении к героизму, он страстно привязался к сим благородным идеям, но мешал великое с малым и, подражая героям – своим предкам, по слабости своих дарований оставался в детской мечтательности.

Из «Записок» Варвары Николаевны Головиной:

Он был некрасив, слабоволен, маленького роста, мелочен, пьяница и развратник.

Из «Жизни и приключений Андрея Болотова, описанных самим им для своих потомков»:

По особливому несчастью случилось так, что помянутый принц, будучи от природы не слишком хорошего характера, был и воспитан еще в Голштинии не слишком хорошо, а по приведении к нам в дальнейшем воспитании и обучении его сделано было приставленными к нему великое упущение; и потому с самого малолетства заразился уже он многими дурными свойствами и привычками и возрос с нарочито уже испорченным нравом.

Из «Записок» Екатерины II:

С детства он не хотел ничему учиться, и я слышала от его приближенных, что в Киле по воскресеньям и в праздничные дни стоило великих трудов, чтоб заставить его идти в церковь и подчиняться благочестивым обрядам, и что в разговорах с Симоном Тодорским

он по большей части обнаруживал отвращение от религии. Его императорское высочество не хотел ни с чем согласиться, спорил о каждом предмете, и приближенные его часто бывали призываемы, чтоб охладить его горячность и склонить к более мягким выражениям. Наконец, после многих для себя неприятностей, он подчинился воле императрицы, своей тетки, но, может быть, по предрассудку, по привычке или по охоте противоречить он несколько раз выражал, что ему приятнее было бы уехать в Швецию, нежели оставаться в России. Брюмер, Берхгольц и другие голштинцы оставались при нем до его женитьбы. К ним для виду присоединили несколько учителей. Преподаватель русского языка Исаак Веселовский с самого начала являлся редко, а потом вовсе перестал ходить; профессор Штелин, который должен был учить его математическим наукам и истории, собственно только и играл с ним и служил вместо шута. Всех точнее был балетмейстер Ланге, учивший танцеванию.

Из «Жизни и приключений Андрея Болотова, описанных самим им для своих потомков»:

Ко всему тому совокупилось еще и то, что каким-то образом случилось ему сдружиться по заочности с славившимся тогда в свете королем прусским и заразиться к нему непомерно уже любовью и не только почтением, но даже подобоострастием самым. Многие говорили тогда, что помогло к тому много и вошедшее в тогдашние времена у нас в сильное употребление масонство. Он введен был как-то льстецами и сообщниками в невоздержанностях своих в сей орден, а как король прусский был тогда, как известно, грандметром сего ордена, то от самого того и произошла та отменная связь и дружба его с королем прусским, поспешествовавшая потом так много его несчастью и самой пагубе. Что молва сия была не совсем несправедлива, в том случилось мне самому удостовериться. Будучи еще в Кёнигсберге и зашед однажды пред отъездом своим в дом к лучшему тамошнему переплетчику, застал я нечаянно тут целую шайку тамошних масонов и видел собственными глазами поздравительное к нему письмо, писанное тогда ими именем всей тамошней масонской ложи; а что с королем прусским имел тогда он тайное сношение и переписку, производимую чрез нашего генерала Корфа и любовницу его, графиню Кейзерлингшу, и что от самого того отчасти происходили и в войне нашей худые успехи, о том нам всем было по слухам довольно известно; а, наконец, подтверждало сие некоторым образом и то, что повсеместная молва, что наследник был масоном, побуждала тогда весьма многих из наших вступать в сей орден, и у нас никогда так много масонов не было, как в тогдашнее время.

Из «Мемуаров» Станислава Августа Понятовского:

Он заявил однажды князю Эстергази, послу венского двора при дворе его тетушки:

— Как можете вы надеяться одолеть короля Пруссии, когда австрийские войска даже с моими сравниться не могут, а я вынужден признать, что мои уступают прусским?..

Мне же принц сказал в порыве откровенности, которой достаивал меня довольно часто:

— Подумайте только, как мне не повезло! Я мог бы вступить на прусскую службу, служил бы ревностно — как только был бы способен, и к настоящему времени мог бы надеяться получить полк и звание генерал-майора, а быть может, даже генерал-лейтенанта... И что же?! Меня притащили сюда, чтобы сделать Великим Князем этой зас..... страны!

И тут же пустился поносить русских в выражениях самого простонародного пошиба, весьма ему свойственных.

Из «Истории и анекдотов революции в России в 1762 году» Клода Карломана Рюльера:

Беспредельная страсть к военной службе не оставляла его во всю жизнь; любимое занятие его состояло в экзерциции, и, чтоб доставить ему это удовольствие, не раздражая российских полков, ему предоставили несчастных голштинских солдат, которых он был государем.

Из «Жизни и приключений Андрея Болотова, описанных самим им для своих потомков»:

Между сими дурными его свойствами было, по несчастию его, наиглавнейшим то, что он как-то не любил россиян и приехал уже к ним властно, как со врожденною к ним ненавистью и презрением; и как был он так неосторожен, что не мог того и сокрыть от окружающих его, то самое сие и сделало его с самого приезда уже неприятным для всех наших знатнейших вельмож, и он вперил в них к себе не столько любви, сколько страха и боязни.

Из «Записок» Екатерины II:

Во внутренних своих комнатах Великий Князь занимался исключительно военною выправкою нескольких лакеев, которые были даны ему в услужение. Он возводил их в чины и степени и потом разжаловал, как ему вздумалось. Это были настоящие детские игры, постоянное ребячество. Вообще он был очень ребячлив, хотя ему было уже шестнадцать лет...

Из «Жизни и приключений Андрея Болотова, описанных самим им для своих потомков»:

Итак, при сих обстоятельствах было ему совсем и невозможно узнать самые фундаментальные правила государственного правления, и недоброхотство министров к нему было так велико, что они переменили даже весь штат при дворе его и отлучили всех прилепившихся к нему слишком; так, что любимцы его подвергались тогда великой опасности, а все дозволенное ему состояло в том, что он выписал несколько своих голштинских войск и в подаренном ему от императрицы Ораниенбаумском замке занимался экзерцированием оных и каждую весну и лето препровождал в сообществе молодых и распутных офицеров.

Из «Мемуаров» Станислава Августа Понятовского:

Он был постоянным объектом издевательств своих будущих подданных – иногда в виде печальных предсказаний, которые делались по поводу их же собственного будущего. Частенько в шутках этих звучало и сочувствие будущей супруге великого князя, ибо ей приходилось либо страдать, либо краснеть за него. Прибавьте к этому привычку курить табак, лицо, изрытое оспой и крайне жалобного вида, а также то, что ходил он обычно в голштинском мундире, а штатское платье надевал всегда причудливое, дурного вкуса – вот и выйдет, что принц более всего походил на персонаж итальянской комедии.

Из «Истории и анекдотов революции в России в 1762 году» Клода Карломана Рюльера:

Его наружность, от природы смешная, делалась таковою еще более в искаженном прусском наряде, штиблеты стягивал он всегда столь крепко, что не мог сгибать колен и принужден был садиться и ходить с вытянутыми ногами. Большая, необыкновенной фигуры шляпа

прикрывала малое и злобное лицо довольно жирной физиономии, которое он еще более безобразил беспрестанным кривлянием для своего удовольствия.

Из «Жизни и приключений Андрея Болотова, описанных самим им для своих потомков»:

Все сие и неосторожное его поведение и произвело еще при жизни императрицы Елисаветы многих ему тайных недругов и недоброхотов, и в числе их находились и такие, которые старались уже отторгнуть его от самого назначенного ему наследства. Чтоб надежнее успеть им в своем намерении, то употребляли они к тому разные пути и средства. Некоторые старались умышленно не только поддерживать его в неводержанностях разного рода, но заводить даже в новые, дабы тем удобнее не допускать его заниматься государственными делами, и увеличивали ненависть его к россиянам до того, что он даже не в состоянии был и скрывать оную пред людьми.

Из «Записок» Варвары Николаевны Головиной:

Екатерину же привезли в Россию семнадцати лет, она была красива, полна естественной грации, талантов, чувственности и остроумия, с желанием учиться и нравиться.

Из «Истории и анекдотов революции в России в 1762 году» Клода Карломана Рюльера:

По избрании ее в невесты наследнику российского престола Петру Федоровичу она прибыла с матерью своею, княгиней Иоганною, в начале 1744 года в Москву, где тогда находилась императрица Елизавета с двором своим. 28 июня того же года она приняла греко-российскую веру и наречена великою княжною Екатериною Алексеевною, а на другой день обручена со своим женихом.

Из «Записок» Екатерины II:

За день до Петрова дня я прочла свое исповедание веры и приняла св. причастие в общей придворной церкви, в присутствии неисчислимой толпы народа: я прочла на русском языке, которого даже не понимала, очень бегло и с безукоризненным произношением 50 листов в четвертку, после чего прочла наизусть символ веры..... Мне дали имя, которое я теперь ношу, исключительно по той причине, что то, которое я имела, было ненавистно из-за козней сестры Петра Великого, которая носила такое же. С минуты моего обращения за меня стали молиться во всех церквах.

Вечером мы отправились инкогнито в Кремль, старинный замок, служивший местопребыванием царей. Меня поместили в комнату, находившуюся так высоко, что едва было видно тех, кто ходил внизу, у стены. На следующий день, Петров день, в который должно было состояться мое обручение, мне принесли рано утром от Императрицы ее портрет, осыпанный бриллиантами, а минуту спустя от Великого Князя его, такой же ценный. Немного погодя он зашел за мною, чтобы пойти к Императрице, которая в короне и в императорской мантии выступила в шествие под массивным серебряным балдахином, который несли 8 генерал-майоров; ее сопровождали мы с Великим Князем; за нами шли моя мать, принцесса Гомбургская и другие дамы, смотря по их положению (с минуты моего обращения было сказано, что я буду ходить впереди матери, хотя я еще и не была помолвлена). Мы спустились по знаменитой лестнице, называемой Красное крыльцо, перешли через площадь и отправились в собор пешком между гвардейскими полками, которые были расставлены шпалерами.

Духовенство встретило нас как обыкновенно. Императрица взяла Великого Князя и меня за руку и повела нас на возвышение среди церкви, покрытое бархатом, где архиепископ Амвросий Новгородский нас обручил, после чего Императрица обменяла кольца; то, которое Великий Князь мне дал, стоило 12 тысяч руб., а то, которое я ему дала, стоило 14 тысяч руб. После обедни были пушечные выстрелы; в полдень Императрица обедала с Великим Князем и со мною на троне в зале, называемом Грановитой палатой.

Вскоре по возвращении в Петербург она приставила ко мне русских женщин, для того чтобы, как она говорила, я могла скорее выучиться русскому языку. Я была очень этим довольна. Самой старшей из девушек, которых мне дали, было около двадцати лет; все они были очень веселого нрава, так что с этого времени, вставши чуть с постели и до самой ночи, я не переставала петь, танцевать, резвиться и дурачиться у себя в комнате. Вечером, после ужина, ко мне приходили в спальню три мои фрейлины, две княжны Гагарины и Кошелева, и тут мы играли в жмурки и в разные другие игры, по нашему возрасту.

В комнате было жарко, и, не зная московского климата, я не считала нужным обуваться, а как вставала с постели, так и учила мои уроки. Вследствие этого на пятнадцатый день у меня открылось воспаление в боку, которое чуть было не свело меня в могилу.

Я тотчас заметила, что поступки матушки во время моей болезни унизили ее в общем мнении. Когда мне было очень дурно, она хотела привести ко мне лютеранского священника. Чтобы предложить мне это (как я после узнала), меня старались привести в чувство или воспользовались минутами облегчения; но я отвечала: «зачем же? Позовите лучше Симона Тодорского; охотно поговорю с ним». Его привели, и мой разговор с ним в присутствии посторонних был всем очень приятен. Это значительно расположило в мою пользу как Императрицу, так и весь двор. Так как я начинала выздоравливать, то Великий Князь приходил проводить вечера в комнатах матушки, которые в то же время были моими. Он, как все, принимал во мне большое участие. Во время болезни Императрица часто плакала обо мне. Наконец, 21 апреля 1744 года, в день моего рождения, когда мне исполнилось пятнадцать лет, я почувствовала себя в силах показаться публике в первый раз после этой тяжелой болезни.

Полагаю, что любоваться во мне было нечем. Я исхудала как скелет, выросла; лицо мое, все черты стали длиннее, волосы лезли, и я была бледна как смерть. Я сама видела, что я безобразна как пугало, не могла узнать себя. В этот день Императрица прислала мне баночку румян и приказала нарумяниться.

Как скоро наступила весна, хорошая погода, Великий Князь стал тоже посещать нас. Он предпочитал гулять, стрелять, охотиться в московских окрестностях. Но по временам он приходил к нам обедать или ужинать и тут по-прежнему пускался со мною в ребяческие откровенности.

Моя свадьба была отложена до 21 августа старого стиля 1745 г., когда и совершилась со всем великолепием, какое можно только вообразить. Празднества продолжались 10 дней, и двор имел еще весь тот блеск и важность, какие внесла в него императрица Анна.

Из «Жизни и приключений Андрея Болотова, описанных самим им для своих потомков»:

Что касается до императорского дома, то был он тогда деревянный и не весьма хотя высокий, но довольно просторный и обширный, со многими и разными флигелями. Но дворец сей был не настоящий и построенный на берегу Мойки, подле самого полицейского моста, на самом том месте, где воздвигнут ныне огромный и великолепный дом для дворянского собрания или клуба. Он был временный и построен тут для пребывания императорской фамилии на то только время, покуда строился тогда большой Зимний дворец, подле Адмиралтейства, на берегу Невы реки, который, существуя и поныне, был обиталищем великой

Екатерины и который тогда только что отстраивался... В сем-то деревянном дворце препроводила последние годы жизни своей и скончалась покойная императрица Елисавета Петровна.

Из «Записок» Екатерины II:

...Я приехала в Россию с весьма плохим гардеробом. Много, если у меня было три или четыре платья, между тем как при Русском дворе переодевались по три раза в день. Все мое белье состояло из дюжины рубашек, и я спала на матушкиных простынях. Надо заметить, что в то время кокетство было в большом ходу при дворе и все только и думали, как бы ухитриться и перещеголять друг друга нарядом. Помню, однажды я узнала, что все шьют себе новые и самые лучшие платья к одному из таких маскарадов; я была в отчаянии, не имея возможности перещеголять других дам, и придумала себе свой наряд. Лиф моего платья был из белого гродетюра (у меня тогда была очень тонкая талия), юбка из той же материи; волосы мои, длинные, густые и очень красивые, я велела зачесать назад и перевязать красною лентою, что называется лисьим хвостом; на голову я приколола всего один большой розан и другой, нераспустившийся, с листьями (они были сделаны так искусно, что можно было принять их за живые), еще я приколола к корсету; на шею надела чрезвычайно белый газовый шарф, на руки манжеты и передник из того же газу. В этом наряде я отправилась на бал и только что вошла, как заметила, что наряд мой обратил на себя общее внимание. Не останавливаясь, я прошла поперек галереи и явилась в комнатах, находившихся напротив галереи. Там меня встретила Императрица и воскликнула: «Боже мой, какая простота! Зачем нет мушки?» Я засмеялась и отвечала: для того, чтобы быть легче. Она вынула из кармана коробочку с мушками, достала одну средней величины и налепила мне на лицо. Оставив Императрицу, я поспешила в галерею и показала мушку ближайшим моим дамам, и также императрицыным любимицам. Будучи в очень веселом расположении духа, я танцевала больше обыкновенного и не помню, чтобы когда-нибудь во всю мою жизнь я слышала от всех столько похвал, как в этот вечер. Про меня говорили, что я хороша как день и как-то особенно сияю. Сказать правду, я никогда не думала про себя, что я была особенно хороша, но я нравилась и полагаю, что в этом заключалась моя сила. Я возвратилась домой очень довольная изобретенным мною простым нарядом, тем более что на других были богатейшие платья.

Из «Истории и анекдотов революции в России в 1762 году» Клода Карломана Рюльера:

Став супругою великого князя на 16-м году жизни, она уже чувствовала, что будет управлять владениями мужа. Верховенство, которое она без труда приобрела над ним, служило к тому простым средством, как действие ее прелестей, и честолюбие ее долго сим ограничивалось. Ночи, которые проводили они всегда вместе, казалось, не могли удовлетворить их чувства; всякий день скрывались они от глаз по несколько часов, и империя ожидала рождения второго наследника, не воображая себе, что между молодыми супругами сие время употреблялось единственно на прусскую экзерцицию или для стояния на часах с ружьем на плече.

Долго спустя великая княгиня, рассказывая сии подробности, прибавляла: «Мне казалось, что я годилась для чего-нибудь другого». Но сохраняя в тайне странные удовлетворения своего мужа и тем ему угождая, она им управляла, во всяком случае, она тщательно скрывала сии нелепости и, надеясь царствовать посредством его, боялась, чтобы его не признали недостойным престола.

Из «Записок» Екатерины II:

По приезде моем в Россию и в первые годы нашего брака, если бы человек этот захотел хотя сколько-нибудь быть сносным, сердце мое было бы отверсто ему. Но я видела, что из всех возможных предметов он обращал на меня наименьшее внимание именно потому, что я была его женою; очень естественно, что такое положение мне не понравилось, что оно мне надоедало и, может быть, огорчало меня.

Из «Жизни и приключений Андрея Болотова, описанных самим им для своих потомков»:

К вашему несчастью, не имел он... к супруге своей такой любви, какая бы быть должна была, но жил с нею не весьма согласно.

Из «Записок» Екатерины II:

Я очень хорошо видела, что Великий Князь вовсе не любит меня; через две недели после свадьбы он опять признался мне в своей страсти к девице Карр, императрицыной фрейлине, вышедшей потом замуж за князя Голицына, шталмейстера Императрицы. Графу Дивиеру, своему камергеру, он сказал, что между этой девушкой и мною не может быть никакого сравнения. Дивиер был противного мнения, он на него рассердился за это. Эта сцена происходила почти в моем присутствии, и я видела, как он дулся на Дивиера. В самом деле, – рассуждала я сама с собою, – не истребляя в себе нежных чувств к этому человеку, который так дурно платит за них, я непременно буду несчастлива и измучусь ревностью без всякого толку. Вследствие этого я старалась восторжествовать над моим самолюбием и изгнать из сердца ревность относительно человека, который не любил меня; но для того, чтобы не ревновать, было одно средство – не любить его. Если бы он желал быть любимым, то относительно меня это вовсе было не трудно: я от природы была склонна и привычна к исполнению моих обязанностей, но для этого мне был нужен муж с здравым смыслом, а мой его не имел.

Людовик Филипп Сегюр (1753–1830), посол Франции при петербургском дворе в 1785–1789 гг.; пользовался расположением императрицы и был хорошо принят в аристократическом обществе. Из воспоминаний «Пять лет при дворе Екатерины II»:

Этот брак был несчастлив: природа, скупая на свои дары молодому князю, осыпала ими Екатерину. Казалось, судьба по странному капризу хотела дать супругу малодушие, непоследовательность, бесталанность человека подначального, а его супруге – ум, мужество и твердость мужчины, рожденного для трона. И действительно, Петр только мелькнул на троне, а Екатерина долгое время удерживала его за собою с блеском.

Екатерина Романовна Дашкова (1743–1810), урожденная графиня Воронцова, в замужестве княгиня Дашкова; основательница Российской Академии наук, выдающийся общественный деятель второй половины XVIII века, подруга и сподвижница императрицы Екатерины II, участница государственного переворота 1762 года. Из «Записок»:

...В это время граф Бестужев и еще несколько человек написали прошение императрице, в котором, ссылаясь на слабое здоровье великого князя, покорно и настоятельно просили Ее Величество выбрать себе мужа. Прощение подписали несколько сенаторов, но, когда

с этим сочинением Бестужев пришел к великому канцлеру, моему дяде, безумная и опасная идея была отвергнута. Прервав чтение, дядя попросил не нарушать его покой, необходимый ему вследствие болезни, и не волновать его такими немыслимыми и бессвязными проектами, грозящими спокойствию страны, заявил, что вообще не желает слушать об этой странной выдумке, и, повернувшись спиной, вышел из комнаты.

Из «Мемуаров» Станислава Августа Понятовского:

Но и императрица не последовала настойчивым советам Бестужева; то ли смелости не хватало, то ли она считала племянника законным наследником трона и желала справедливости.

Она вовсе не хотела, однако, чтобы принц занял трон при ее жизни, и это, несомненно, послужило причиной того, что она дала ему скверное воспитание, окружила его мало привлекательными людьми, заметно не доверяла ему, да еще и презирала его при этом.

Из «Записок» Екатерины II:

В эту зиму было много маскарадов в значительных домах Петербурга, которые в то время были очень малы. Двор и весь город обыкновенно собирались на эти маскарады. Последний был дан Татищевым, в доме, принадлежавшем Императрице и называвшемся Смольным дворцом. Середина этого деревянного дома сгорела, и оставались только двухэтажные флигеля. В одном из них танцевали, а в другом приготовлен был ужин, так что надо было в середине января проходить двором, по снегу; и после ужина все опять отправились в первый флигель. Возвратившись домой, Великий Князь лег спать, но на другой день проснулся с сильною болью, так что не мог встать с постели. Я велела позвать докторов, которые объявили, что у него жестокая горячка. Вечером его перенесли с моей постели в мою аудиенц-камеру, где пустили ему кровь и уложили в приготовленную постель. Ему несколько раз отворяли кровь, и он был очень опасен. Императрица по несколько раз в день приходила навещать его и была очень довольна, замечая у меня на глазах слезы.

В комнату, где лежал Великий Князь, хотя она была возле моей, я нарочно не ходила часто, потому что заметила, что ему все равно, тут ли я или нет, и что ему приятнее было оставаться со своими приближенными, которые, сказать правду, были мне не совсем приятны. При том же я не привыкла проводить время так, чтобы быть среди людей и, несмотря на то, оставаться в одиночестве!

Надо сказать, что уже в то время от него начало постоянно нести вином и табачным запахом, так что буквально не было возможности стоять подле него близко.

Из «Мемуаров» Станислава Августа Понятовского:

А великая княгиня, как и многие другие, терпеть не могла запаха курительного табака и много читала — здесь коренилась первая причина ее недовольства.

Из «Записок» Екатерины II:

После Святой он устроил у себя в комнате кукольный театр, на который приглашал гостей и даже дам. Эти представления были величайшею глупостью. В комнате, где они давались, одна дверь была заделана, потому что она выходила в покои Императрицы, и именно в ту комнату, где стоял стол с машиною, опускавшейся и подымавшейся, так что на нем можно было обедать без прислуги. Однажды Великий Князь, приготовляя так называемый

спектакль свой, услышал, что в этой соседней комнате кто-то говорил. Будучи непомерно жив, он тотчас схватил находившийся тут столярный прибор, которым обыкновенно просверливают дыры в досках, и принялся сверлить заделанную дверь так, что наконец можно было видеть, что за нею было. Императрица обедала там; с нею сидели обер-егермейстер граф Разумовский в стеганом шлафроке (он в этот день принимал лекарство) и еще человек двенадцать самых приближенных людей. Его Императорское Высочество, мало того что сам наслаждался плодами своей искусной работы, но еще пригласил тех, кто был с ним, разделить его удовольствие и поглядеть в щели, просверленные им с таким искусством. Когда он и его приближенные насытились вдоволь этим нескромным удовольствием, он начал звать к себе мадам Крузе, меня и моих дам, предлагая нам посмотреть кое-что, чего мы никогда не видали. Он нам не сказывал, что это такое, вероятно, для того, чтобы приятно изумить нас. Я не слишком торопилась исполнить его желание, но Крузе и мои дамы пошли за ним. Я подошла последняя и нашла их перед этою дверью, где он наставил скамеек, стульев и подножек, для удобства зрителей, как говорил он. Подходя, я спросила, что это такое; он подбежал ко мне навстречу и сказал, в чем дело. Эта дерзкая глупость испугала и привела меня в негодование. Я тотчас объявила, что не хочу ни смотреть, ни принимать участие в такой опасной забаве, которая, конечно, навлечет ему неприятностей, если тетушка узнает о том, и что трудно, чтоб она не узнала, так как он посвятил в свою тайну, по крайней мере, человек двадцать. Все те, которые собирались посмотреть в щели, видя мой отказ, начали поодиночке уходить от двери. Великий Князь тоже несколько смутился и стал по-прежнему заниматься своим кукольным театром, а я ушла к себе в комнату. До воскресенья все было тихо.

В этот день, не знаю почему-то, против обыкновения, я опоздала к обедне. Возвратившись к себе, я пошла снимать придворное платье, как вдруг явилась Императрица с весьма разгневанным видом и раскрасневшись. Я не видала ее за обеднею, потому что она стояла у обедни в своей особой, малой церкви. Поэтому я, как обыкновенно, подошла к ней к руке. Она поцеловала меня, приказала кликнуть Великого Князя, а между тем бранила меня, зачем я опоздала к обедне, предпочла благочестию наряды. Она прибавила, что при императрице Анне, хотя она не жила при дворе, а в особом доме, довольно далеко от дворца, но тем не менее всегда исполняла свои обязанности, и что для этого она даже часто вставала при свечах. Потом она велела позвать моего парикмахера и сказала ему, что если вперед он будет так медленно убирать мне голову, то она его прогонит. Когда она кончила с ним, явился Великий Князь. Он только что разделся и пришел в шлафроке с ночным колпаком в руке, очень веселый и живой. Он подбежал к руке Императрицы. Она его поцеловала и начала спрашивать, как он осмелился сделать то, что сделал. Она сказала, что была в комнате, где стол с машиною, и нашла дверь всю в дырах, что все дыры были против того места, где она обыкновенно сидит, что он, вероятно, забыл, чем ей обязан, что она считает его неблагодарным, что у ее отца, Петра I, также был неблагодарный сын, которого он наказал, лишив его наследства, что при императрице Анне она всегда оказывала ей почтение, подобающее лицу коронованному и Богом помазанному, что императрица Анна не любила много говорить и сажала в крепость тех, кто не оказывал ей почтения, что он мальчишка, которого она выучит, как нужно жить. Тут Великий Князь начал сердиться, хотел отвечать ей и пробормотал несколько слов; но она приказала ему молчать и взволновалась до такой степени, что больше не знала меры своему гневу, что с нею обыкновенно случалось, когда она сердилась. Она наговорила ему множество оскорбительных и резких вещей, показывая ему и гнев свой, и презрение. Мы оба были изумлены и поражены, и хотя эта сцена не относилась прямо до меня, но у меня навернулись слезы. Она заметила это и сказала: все, что я говорю, до тебя не относится; я знаю, что ты не принимала участия в его поступке и что ты не смотрела и не хотела смотреть сквозь дверь. Произнесши это справедливое суждение, она через

это самое несколько успокоилась и замолчала. Впрочем, трудно было еще что-нибудь прибавить к тому, что она сказала. Поклонившись нам, она ушла к себе, вся красная и с сверкающими глазами. Великий Князь пошел к себе, а я стала молча раздеваться и обдумывала слышанное. Когда я разделась, Великий Князь пришел ко мне и сказал несколько пристыженным и несколько насмешливым тоном: она была точно фурия и не знала, что говорила. Мы толковали слова ее и потом сели вдвоем обедать у меня в комнате. Когда Великий Князь ушел к себе, ко мне явилась мадам Крузе и сказала: надо сказать правду, Императрица нынче поступила как настоящая мать. Я видела, что она хочет вызвать меня на разговор, и потому нарочно молчала. Она продолжала: мать гневается и бранится на детей своих, и потом гнев проходит. Вам обоим стоило сказать ей: виноваты, матушка, и вы бы ее обезоружили. Я заметила, что мы были изумлены и поражены гневом Ее Величества и что я ничего не могла сделать в эту минуту, как только слушать и молчать. Крузе ушла от меня, по всему вероятно, чтоб передать Императрице, что она от меня выведала. Что же касается до меня, то слова: виноваты, матушка, как средство смягчить гнев Императрицы, остались у меня в голове, и потом я при случае с успехом воспользовалась ими.

Из «Истории и анекдотов революции в России в 1762 году» Клода Карломана Рюльера:

Подобные забавы не обещали империи наследственной линии, а императрица Елисавета непременно хотела ее иметь для собственной своей безопасности. Она содержала в тюрьме малолетнего несчастливца, известного под именем Иоанна Антоновича, которого на втором году младенчества, свергнув с престола, беспрестанно перевозила из края в край империи, из крепости в крепость, дабы его участники, если таковые были, не могли никогда узнать о месте его заточения. Елисавета тем более достойна хвалы, что даровала ему жизнь; и, зная, как легко производится революция в России, она никогда не полагалась на безопасность носимой ею короны. Она не смела ложиться до рассвета, ибо заговор возвел ее самое на престол во время ночи. Она так боялась ночного нападения, что тщательно приказала отыскать во всем государстве человека, который бы имел тончайший сон, и этот человек, который, по счастью, был безобразен, проводил в комнате императрицы все время, в которое она спала. При таком-то страхе оставила она жизнь тому человеку, который был причиною одного. Даже родители были с ним неразлучны, и слух носился, что в темнице своей, к утешению или, может быть, к несчастью, они имели многих детей, опасных совместников, ибо они были старшая отрасль царского дома. Вернейшая против них предосторожность состояла в том, чтоб показать народу ряд других наследников; сего-то и недоставало; уже прошло 8 лет, и хотя природа не лишила великого князя всей чувствительности, но опытные люди неоспоримо доказывали, что нельзя было надеяться от него сей наследственной линии.

Из «Записок» Екатерины II:

После обеда у Великого Князя часто бывали концерты, в которых он сам участвовал, играя на скрипке... Он не знал ни одной ноты, но имел сильное ухо и полагал главное достоинство игры в том, чтобы сильнее водить смычком и чтобы звуки были как можно громче. И фа его раздирала слух, и нередко слушателям приходилось сожалеть, что они не смеют заткнуть себе уши.

Из «Истории и анекдотов революции в России в 1762 году» Клода Карломана Рюльера:

Он утешался низкими должностями солдат, потому что Петр I проходил по всем степеням военной службы, и, следуя сей высокой мысли, столь удивительной в монархе, кото-

рый успехи своего образования ведет по степеням возвышения, он хвалился в придворных концертах, что служил некогда музыкантом и сделался по достоинству первым скрипачом.

Из «Записок» Екатерины II:

В мае месяце 1746 года мы переехали в Летний дворец. В исходе мая Императрица приставила ко мне, в качестве главной надзирательницы, родственницу свою и статс-даму Чоглокову...

К концу масленицы Ее Величество возвратилась в город. На первой неделе поста мы стали говеть. В среду вечером я должна была идти в баню в дом к Чоглоковым, но накануне Чоглокова пришла ко мне в комнату и, увидав Великого Князя, который сидел у меня, сказала ему от имени Императрицы, чтобы он также сходил в баню. Надо заметить, что баня и все русские обычаи и местные нравы были не только неприятны Великому Князю, но он их просто ненавидел. Он начисто объявил, что не пойдет в баню. Но Чоглокова не меньше его была упряма и не умела удерживать язык свой. Она сказала ему, что это значит неповиновение Ее Императорскому Величеству. Он стоял на своем и говорил, что не следует приказывать ему поступать вопреки своей природе, что он знает, как ему вредна баня (он в ней ни разу не бывал), что ему вовсе не хочется умереть, что нет ничего дороже жизни и что Императрица не может заставить его идти в баню. На это Чоглокова стала говорить, что Ее Величество сумеет наказать его за такое неповиновение. Тут Великий Князь рассердился еще больше и с жаром сказал: посмотрим, что она со мною сделает, ведь я не ребенок. Тогда Чоглокова погрозила, что Императрица посадит его в крепость. После этого он принялся горько плакать; они наговорили друг другу самых оскорбительных вещей, и, по правде сказать, оба показали, как мало в них человеческого смысла... Наконец Чоглокова ушла, объявив, что все от слова до слова перескажет Императрице. Не знаю, исполнила ли она эту угрозу, но только она вернулась и совершенно неожиданно повела речь совсем о другом. Именно она объявила, что Императрица чрезвычайно гневается на нас, отчего у нас нет детей, и желает знать, кто из нас обоих виноват в этом, и что поэтому она пришлет ко мне повивальную бабку, а к нему доктора. К этому Чоглокова прибавила еще несколько других оскорбительных и бессмысленных слов и в заключение сказала, что Императрица разрешает вам не говеть эту неделю, так как Великий Князь сказал, что баня вредна для его здоровья. Надо заметить, что в обоих этих разговорах я не участвовала ни полусловом, во-первых, потому что они оба чрезвычайно горячились и не давали мне говорить, а во-вторых, потому что я видела, до какой степени они оба бессмысленны. Не знаю, как рассудила о том Императрица, но только после вышеописанной сцены больше не было речи ни о бане, ни о детях.

Из «Истории и анекдотов революции в России в 1762 году» Клода Карломана Рюльера:

Тем не менее придворный молодой человек, граф Салтыков, прекрасной наружности и недалекого ума, избран был в любовники великой княгини. Великому канцлеру российскому Бестужеву-Рюмину поручено было ее в том предупредить.

Из «Записок» Екатерины II:

Между тем и Чоглокова, по-прежнему занятая своими попечениями о престолонаследии, однажды отвела меня в сторону и сказала: послушайте, я должна поговорить с Вами откровенно. Я, разумеется, стала слушать во все уши. Сначала, по обыкновению, она долго рассуждала о своей привязанности к мужу, о своем благоразумии, о том, что нужно и что не нужно для взаимной любви и для облегчения супружеских уз; затем стала делать уступки

и сказала, что иногда бывают положения, в которых интересы высшей важности обязывают к исключениям из правила. Я слушала и не прерывала ее, не понимая, к чему все это ведет. Я была несколько удивлена ее речью и не знала, искренно ли говорит она или только ставит мне ловушку. Между тем как я мысленно колебалась, она сказала мне: Вы увидите, как я чистосердечна и люблю ли я мое отечество; не может быть, чтобы кое-кто Вам не нравился; предоставляю Вам на выбор С. Салтыкова и Льва Нарышкина; если не ошибаюсь, Вы отдадите предпочтение последнему. – Нет, вовсе нет, – закричала я. – Ну, если не он, – сказала она, – так, наверное, С. Салтыков. На это я не возразила ни слова, и она продолжала говорить: Вы увидите, что от меня Вам не будет помехи. Я притворилась невинною, и она несколько раз бранила меня за это как в городе, так и в деревне, куда мы отправились после Святой.

После Святой мы переехали в Летний дворец. Еще прежде я стала замечать, что камергер Сергей Салтыков что-то чаще обыкновенного приезжает ко двору. Его всегда можно было встретить с Львом Нарышкиным. Княжна Гагарина, которую я очень любила и к которой даже имела доверенность, терпеть не могла Сергея Салтыкова. Лев Нарышкин слыл просто чудачком, и ему не придавали никакого значения. Сергей Салтыков всячески вкрадывался в доверенность к Чоглоковым, и как сии последние вовсе не были ни умны, ни любезны, ни занимательны, то можно было, наверное, сказать, что он дружится с ними из каких-нибудь скрытных видов. Чоглокова, в то время беременная, часто бывала нездорова; она уверяла, что моя беседа так же дорога для нее летом, как и зимою, и часто присылала звать к себе. Когда у Великого Князя не было концерта или при дворе комедии, к ней обыкновенно собирались С. Салтыков, Лев Нарышкин, княжна Гагарина и еще несколько человек. Концерты надоедали Чоглокову, однако он не пропускал их. Сергей Салтыков изобрел оригинальное средство занимать его. Не знаю, каким образом в этом тучном человеке, в котором было всего меньше ума и воображения, Салтыкову удалось возбудить страсть к стихотворству. Чоглоков стал беспрестанно сочинять песни, разумеется лишённые человеческого смысла. Как только нужно бывало отделаться от него, тотчас к нему обращаюсь с просьбою написать новую песенку: он с большою готовностью соглашался, усаживался в какой-нибудь угол, большею частью к печке, и принимался за сочинение, продолжавшееся целый вечер: песня оказывалась восхитительною, сочинитель приходил в восторг и принимал приглашение написать еще новую. Лев Нарышкин клал песни на музыку и распевал их с ним; а между тем у нас шел непринужденный разговор и можно было говорить все что хочешь. У меня была толстая книга этих песен, не знаю, куда она девалась. В один из таких концертов С. Салтыков дал мне понять, какая была причина его частых появлений при дворе. Сначала я ему не отвечала. Когда он в другой раз заговорил о том же предмете, я спросила, к чему это поведет. В ответ на это он пленительными и страстными чертами начал изображать мне счастье, которого он добивается. Я сказала ему: но у вас есть жена, на которой вы всего два года как женились по страсти, про вас обоих говорят, что вы до безумия любите друг друга. Что она скажет об этом? Тогда он начал говорить, что не все золото, что блестит, и что он дорого заплатил за минуту ослепления. Я употребляла всевозможные средства, чтобы выгнать из головы его эти мысли, и добродушно воображала, что я успела. Мне было жаль его; по несчастию, я не переставала его слушать. Он был прекрасен как день, и, без сомнения, никто не мог с ним равняться и при большом дворе, тем менее при нашем. Он был довольно умен и владел искусством обращения и тою хитрою ловкостью, которая приобретается жизнью в большом свете, и особенно при дворе; ему было 26 лет <...> Недостатки свои он умел скрывать; главнейшие заключались в наклонности к интригам и в том, что он не держался никаких положительных правил. Но все это было скрыто от меня. Весну и часть лета я была совсем беззаботна, я видала его почти ежедневно и не меняла моего обращения; я была с ним как и со всеми, видаясь с ними не иначе как в присутствии двора

или вообще при посторонних. Однажды, чтобы отвязаться от него, я вздумала сказать, что он действует не ловко; почем Вы знаете, – прибавила я, – может быть, мое сердце уже занято. Но это нисколько не подействовало, напротив, его преследование сделалось еще неутомимее. О любезном супруге тут не было и помину, потому что всякий знал, как он приятен даже и тем лицам, в кого бывал влюблен, а влюблялся он беспрестанно и волочился, можно сказать, за всеми женщинами. Исключение составляла и не пользовалась вниманием его только одна женщина – его супруга.

Около этого времени Чоглоков пригласил нас поохотиться у него на острове. Мы выслали наперед лошадей, а сами отправились в шлюпке. Вышедши на берег, я тотчас же села на лошадь, и мы погнались за собаками. С. Салтыков выждал минуту, когда все были заняты преследованием зайцев, подъехал ко мне и завел речь о своем любимом предмете. Я слушала его внимательнее обыкновенного. Он рассказывал, какие средства придуманы им для того, чтобы содержать в глубочайшей тайне то счастье, которым можно наслаждаться в подобном случае. Я не говорила ни слова; пользуясь моим молчанием, он стал убеждать меня в том, что страстно любит меня, и просил, чтобы я ему позволила быть уверенным, что я, по крайней мере, не вполне равнодушна к нему. Я отвечала, что не могу мешать ему наслаждаться воображением, сколько ему угодно. Наконец он стал делать сравнения с другими придворными и заставил меня согласиться, что он лучше их; отсюда он заключал, что я к нему не равнодушна. Я смеялась этому, но, в сущности, он действительно довольно нравился мне. Прошло около полутора часа, и я стала говорить ему, чтобы он ехал от меня, потому что такой продолжительный разговор может возбудить подозрения. Он отвечал, что не уедет до тех пор, пока я скажу, что не равнодушна к нему. – Да, да, – сказала я, – но только убирайтесь. – Хорошо, я буду это помнить, – отвечал он и погнал вперед лошадь, а я закричала ему вслед: – Нет, нет. – Он кричал в свою очередь: – Да, да, – и так мы разъехались.

Я сказала о том, что я нравилась; стало быть, половина искушения заключалась уже в этом самом; вторая половина в подобных случаях естественно следует из самого существа человеческой природы, потому что идти на искушение и подвергнуться ему – очень близко одно от другого. Хотя в голове запечатлены самые лучшие правила нравственности, но как скоро примешивается и является чувствительность, то непременно очутишься неизмеримо дальше, нежели думаешь. Я, по крайней мере, не знаю до сих пор, как можно предотвратить это. Может быть, скажут, что есть одно средство – избегать; но бывают случаи, положения, обстоятельства, где избегать невозможно; в самом деле, куда бежать, где найти убежище, как отворачиваться посреди двора, который перетолковывает малейший поступок. Итак, если вы не бежите, то, по-моему, нет ничего труднее, как уклониться от того, что вам существенно нравится. Поверьте, все, что вам будут говорить против этого, есть лицемерие и основано на незнании человеческого сердца. Человек не властен в своем сердце, он не может по произволу сжимать его в кулак и потом опять давать свободу.

Николай Иванович Павленко (род. 1916), российский историк и писатель, заслуженный деятель науки России, специалист по отечественной истории XVII–XVIII вв., член Союза писателей с 1987 г. Из монографии «Екатерина Великая»:

20 сентября 1754 г. произошло событие, круто изменившее жизнь Екатерины, – она наконец родила сына, нареченного Павлом. Иные придворные наблюдавшие жизнь великокняжеской четы, шепотом поговаривали, что младенца по батюшке надлежит величать не Петровичем, а Сергеевичем.

Из «Записок» Екатерины II:

Это, разумеется, испугало меня, я сказала Нарышкину:

– Вы не умели найтись, ступайте к нему и потребуйте от него клятвы в том, что он не спал с своею женою, и скажите, что, как скоро он поклянется, Вы тотчас пойдете донести о том Александру Шувалову как начальнику Тайной канцелярии.

Лев Нарышкин действительно пошел к Великому Князю и потребовал от него этой клятвы, на что тот отвечал:

– Убирайтесь к черту и не говорите мне больше об этом.

Слова Великого Князя, произнесенные с таким безрассудством, очень меня рассердили, и с тех пор я увидела, что мне остаются на выбор три, равно опасные и трудные пути: 1-е: разделить судьбу Великого Князя, какая она ни будет; 2-е: находиться в постоянной зависимости от него и ждать, что ему угодно будет сделать со мною; 3-е: действовать так, чтобы не быть в зависимости ни от какого события. Сказать яснее, я должна была либо погибнуть с ним или от него, либо спасти самое себя, моих детей, а может быть, все государство от тех гибельных опасностей, в которые, несомненно, ввергли бы их и меня нравственные и физические качества этого государя. Последний путь казался мне наиболее надежным, поэтому я решила по-прежнему, сколько могла и умела, давать ему благие советы, но не упорствовать, когда он им не следовал, и не сердить его, как прежде, указывать ему его настоящие выгоды всякий раз, как представится к тому случай, но в остальное время хранить самое строгое молчание и, с другой стороны, соблюдать свои интересы по отношению к публике, так чтобы сия последняя видела во мне спасительницу общественного блага.

Поживши недолго в Летнем дворце, мы переселились в Зимний. Мне казалось, что С. Салтыков стал не так предупредителен, как прежде, сделался рассеян, иногда совсем пуст, взыскателен и легковверен. Это меня сердило, и я сказала ему о том. Его оправдания были не очень сильны; он уверял, что я не постигаю всей ловкости его поведения; он был в этом прав, потому что действительно я находила его поведение довольно странным. Нам велено было готовиться к поездке в Москву, чем мы и занялись. Мы выехали из Петербурга 14 декабря 1753 года, Сергей Салтыков остался и приехал в Москву несколько недель после нас. Я выехала в дорогу с легкими признаками беременности.

Из «Истории и анекдотов революции в России в 1762 году» Клода Карломана Рюльера:

Как скоро открылась беременность, императрица Елисавета приказала дать молодому россиянину поручение в чужих краях. Великая княгиня плакала и старалась утешить себя новым выбором. Но наследство казалось несомнительным, – новые выборы не нравились. За поведением ее присматривали с такою строгостью, которая не согласовалась ни с принятыми нравами, ни с личным характером Елисаветы. В самом деле, хотя русские дамы недавно появлялись в обществе, хотя еще в конце прошедшего столетия они жили в заключении и почитаемы были за ничто в домашней жизни; но так как обычай совершенно запереть и приставлять к ним евнухов не был в сей земле в употреблении, от чего происходило, что женщины, заключенные посреди рабов, предавались совершенному разврату. И когда Петр Первый составил в России общества, то он преобразовал наружную суровость нравов, уже весьма развращенных.

Из «Записок» Екатерины II:

К этому времени место гувернантки моей заняла Владиславова. Это была женщина высокого роста, с хорошими, по-видимому, манерами; ее умное лицо на первых порах мне довольно понравилось... Ее звали Прасковья Никитична. Она начала очень удачно; она была общительна, любила говорить, говорила и рассказывала с умом, знала основательно все

анекдоты прошлого и настоящего, знала все семьи до четвертого и пятого колена, очень отчетливо помнила родословные отцов, матерей, дедов, бабок и прадедов и предков с отцовской и материнской стороны всех на свете, и никто не познакомил меня с тем, что происходило в России в течение ста лет, более обстоятельно, чем она. Ум и манеры этой женщины мне достаточно нравились, и, когда я скучала, я заставляла ее болтать, чему она всегда охотно поддавалась.

Во вторник вечером я легла в постель и ночью проснулась от болей. Я разбудила Владиславову; та послала за повивальной бабкою, которая объявила, что я должна скоро родить. Пошли разбудить Великого Князя, спавшего у себя в кровати, и графа Александра Шувалова. Сей последний известил Императрицу, которая не замедлила прийти. Это было около 2 часов утра. Я очень страдала, наконец на другой день, 20 сентября, около полудня, я родила сына. Только что спеленали его, явился по приказанию Императрицы духовник ее и нарек ребенку имя Павла, после чего Императрица тотчас велела бабке взять его и нести за собою; а я осталась на родильной постели. Надо заметить, что постель эта стояла против самой двери, сквозь которую падал на меня свет; справа и слева были еще две двери, из которых одна вела в мою уборную, а другая в комнату Владиславовой; сзади меня два больших окна, плохо затворявшиеся. Как скоро императрица удалилась, Великий Князь, с своей стороны, тоже ушел, вслед за ним граф и графиня Шуваловы, и я никого больше не видала до самого четвертого часа.

Я много потела и просила Владиславову переменить мне белье и положить меня в мою обыкновенную постель; она отвечала, что не смеет. Она несколько раз приказывала позвать бабку, но та не приходила. Я спрашивала пить и всякий раз получала тот же ответ. Наконец, после трех часов, явилась графиня Шувалова, вся разряженная. Увидав меня все еще на том месте, на котором она меня оставила, она вскрикнула и сказала, что так можно уморить меня. Было чем утешиться! Но я и без того заливаюсь слезами с той самой минуты, как родила. Меня особенно огорчало то, что меня совершенно бросили. После тяжелых и болезненных усилий я оставалась решительно без призора, между дверями и окнами, плохо затворявшимися; я не имела сил перейти в постель, и никто не смел перенести меня, хотя постель стояла в двух шагах. Шувалова тотчас ушла и, должно быть, велела позвать бабку, потому что через полчаса сия последняя явилась и сказала нам, что Императрица была очень занята ребенком и не отпускала ее от себя ни на минуту. Обо мне вовсе и не думали. Такое забвение или небрежность, конечно, не могли быть мне лестны. Я умирала от жажды; наконец меня перенесли в постель, и в этот день я никого больше не видала, даже не присылали навеститься о моем здоровье.

Наконец Великий Князь соскучился по моим фрейлинам; по вечерам ему не за кем было волочиться, и потому он предложил проводить вечера у меня в комнате. Тут он начал ухаживать за графинею Елизаветою Воронцовой, которая как нарочно была хуже всех лицом.

После крестин моего сына при дворе были праздники, балы, иллюминации и фейерверки, я же по-прежнему оставалась в постели, в страшной скуке и страданиях. Наконец выбрали семнадцатый день после моих родин, чтобы разом сообщить мне две очень «приятные» новости: первое, что С. Салтыкова отправляют в Швецию с известием о рождении моего сына; второе, что свадьба княжны Гагариной назначена на следующую неделю. Это значило попросту, что у меня скоро отнимут двух людей, которых я наиболее любила из всех окружавших меня. Я более чем когда-либо замкнулась в своей комнате и то и дело плакала. Чтob не выходить, я сказала, что у меня возобновилась боль в ноге и что не могу встать с постели; но, в сущности, я не могла и не хотела никого видеть, потому что на душе было тяжело.

Из «Истории и анекдотов революции в России в 1762 году» Клода Карломана Рюльера:

Она была в отчаянии, когда судьба привела в Россию кавалера Виллиамса, английского посланника, человека пылкого воображения и пленительного красноречия, который осмелился ей сказать, что «кротость есть достоинство жертв, ничтожные хитрости и скрытый гнев не стоят ни ее звания, ни ее дарований; поелику большая часть людей слабы, то решительные из них одерживают первенство; разорвав узы принужденности, объявив свободно людям, достойных своей благосклонности, и показав, что она приемлет за личное оскорбление все, что против нее предпримут, она будет жить по своей воле». Вследствие сего разговора он представил ей молодого поляка, бывшего в его свите.

Из монографии «Екатерина Великая» Николая Ивановича Павленко:

После рождения Павла Елизавета Петровна охладела к великокняжеской чете. Императрица не могла побыть с Петром Федоровичем нигде и четверти часа, чтобы не почувствовать отвращения, гнева или огорчения, называла его дураком или пользовалась выражениями «проклятый мой племянник сегодня так мне досадил, как более нельзя» или «племянник мой урод, черт его возьми».

Из «Записок» Екатерины Романовны Дашковой:

На рождество, 25 декабря 1761, мы имели несчастье потерять императрицу Елизавету.

Из «Истории и анекдотов революции в России в 1762 году» Клода Карломана Рюльера:

Министры, духовник, любимец, слуги – все внушали умирающей императрице желание примирить великого князя с женою. Намерение увенчалось успехом, и наследник престола в настоящих хлопотах, казалось, возвратил ей прежнюю свою доверенность. Она убедила его, чтобы не гвардейские полки провозглашали его, говоря: «что в сем обыкновении видимо древнее варварство и для нынешних россиян гораздо почтеннее», если новый государь признан будет в Сенате, в полном уверении, что в правлении, где будут соблюдаемы формы, подчинит скоро все своей воле; министры были на ее стороне, сенаторы предупреждены. Она сочинила речь, которую ему надлежало произнести. Но едва скончалась Елисавета, император, в восторге радости, немедленно явился гвардии и, ободренный восклицаниями, деспотически приняв полную власть, опроверг все противоположаемые ему препятствия. Уничтожив навсегда влияние жены, каждый день вооружался против нее новым гневом, почти отвергал своего сына, не признавая его своим наследником, и принудил таким образом Екатерину прибегнуть к посредству своей отважности и друзей.

Из «Жизни и приключений Андрея Болотова, описанных самим им для своих потомков»:

О кончине ее носились тогда разные слухи, и были люди, которые сомневались и не верили тому, что сделавшаяся у ней и столь жестокая рвота с кровью была натуральная, но приписывали ее некоему сокровенному злодейству, и подозревали в том как-то короля прусского, доведенного последними годами войны до такой крайности и изнеможения, что он не был более в состоянии продолжать войну и полугодичное время, если бы мы по-прежнему имели в ней соучастие. Письмо друга его, маркиза д'Аржанса, писанное к нему в то время, когда находился он в руках наших, и то таинственное изречение в оном, что голландскому посланнику, случившемуся тогда быть в Берлине, удалось сделать королю

такую услугу, за которую ни он, ни все потомки его не в состоянии будут ему довольно возблагодарить и уведомление о которой не может он вверить бумаге, – было для многих неразрешимою загадкою и подавало повод к разным подозрениям. Но единому Богу известно, справедливы ли были все сии подозрения или совсем были неосновательны.

Из «Записок» Екатерины II:

Последние мысли покойной Императрицы Елисаветы Петровны о наследстве точно сказать не можно, ибо твердых не было. То не сомнительно, что она не любила Петра III и что она его почитала за неспособного к правлению; что она знала, что он русских не любил; что она с трепетом смотрела на смертный час и на то, что после ее происходить может; но как она во всем имела решимость весьма медлительную, особливо в последние годы ее жизни, то догадываться можно, что и в пункте наследства мысли более колебались, нежели что-нибудь определительное было в ее мыслях. При самой кончине Государыни императрицы Елисаветы Петровны прислал ко мне князь Михаил Иванович Дашков, тогдашний капитан гвардии, сказать: «повели, мы тебя взведем на престол».

Придя в свой покой, услышала, что император приказал приготовить для себя покой от меня чрез сени, где жил Александр Иванович Шувалов, и что в его покое, возле моих, будет жить Елисавета Романовна Воронцова.

Император в сей день был чрезмерно весел и посреди церемонии сей траурной сделал себе забаву: нарочно отстанет от везущего тело одра, пропуская оно вперед сажен тридцать, потом изо всей силы добежит; старшие камергеры, носящие шлейф епанчи его черной, паче же обер-камергер, граф Шереметев, носящий конец епанчи, не могли бежать за ним, принуждены были епанчу пустить, и как ветром ее раздувало, то сие Петру III пуще забавно стало, и он повторял несколько раз сию штуку, от чего сделалось, что я и все, за мною идущие, отстали от гроба и наконец принуждены были послать остановить всю церемонию, пока отставшие дошли. О непристойном поведении сем произошли многие разговоры не в пользу особе императора, и толки пошли о безрассудных его во многих случаях поступках.

Часть II

Переворот

Луи Огюст Бретейль (1730–1807), барон французский государственный деятель и дипломат; был послом в Петербурге в 1760-х гг.:

В день поздравлений с восшествием на престол императрица имела крайне унылый вид. Пока очевидно только, что она не будет иметь никакого значения... Император удвоил свое внимание к девице Воронцовой... Императрица в ужасном положении; к ней относятся с явным презрением. Она нетерпеливо сносит обращение с нею императора и высокомерие девицы Воронцовой. Не могу даже себе представить, чтоб Екатерина, смелость и отвага которой мне хорошо известны, не прибегла бы рано или поздно к какой-нибудь крайней мере. Я знаю друзей, которые стараются успокоить ее, но которые решатся на все, если она потребует.

Из «Истории и анекдотов революции в России в 1762 году» Клода Карломана Рюльера:

Между тем в городе думали только о праздниках. Торжество мира происходило при военных приготовлениях. Неистовая радость наполняла царские чертоги, и так как близок был день отъезда в армию, то двор при прощании своем не пропустил ни одного дня без удовольствий. Праздник, веселость и развлечение составляют свойство русского народа, и хотя кротость последнего царствования сообщила некоторую образованность умам и благопристойность нравам, но двор еще помнил грубое удовольствие, когда праздновалась свадьба Шута и Козы. Итак, вид и обращение народное представляли шумные пиршества, и полугодичное царствование сие было непрерывным празднеством. Прелестные женщины разоряли себя английским пивом и, сидя в табачном чаду, не имели позволения отлучаться к себе ни на одну минуту в сутки. Истошив свои силы от движения и бодрствования, они кидались на софы и засыпали среди сих шумных радостей. Комедиантки и танцовщицы, совершенно посторонние, нередко допускались на публичные праздники, и когда придворные дамы посредством любимицы жаловались на сие императору, он отвечал, «что между женщинами нет чинов». Часто, выскочив из-за стола с стаканом в руке, он бросался на колени пред престолом короля прусского и кричал: «Любезный брат, мы покорим с тобою всю вселенную». Посланника его он принял к себе в особенную милость и хотел, чтобы он до отъезда в поход пользовался при дворе благосклонностью всех молодых женщин.

Из «Записок» Екатерины Романовны Дашковой:

Отвращение, которое вызывал Петр III, усиливалось тем более, что он возбуждал всеобщее презрение и как нарушитель законов. При Елизавете те из сербов, кто нашел убежище во владениях Австрийского дома, а также венгры и другие народы, исповедующие православную веру, направили к русской императрице депутатов с просьбой пожаловать им земли в России, где бы они могли поселиться, ибо дольше не в силах были сносить притеснения католического духовенства, чрезвычайно могущественного при Марии Терезии. Хотя Елизавета была другом германской императрицы, она, вдохновясь сочувствием к преследуемым единоверцам, взяла их под свое покровительство. Депутатов хорошо приняли, переселенцам отвели земли на юге России, ссудили деньгами на покрытие расходов, связанных с переездом, и разрешили сформировать несколько гусарских полков. Один из депу-

татов, некто Хорват, тонкий интриган, раболепствуя, втерся в доверие к властям. Ему доверили деньги. Несколько тысяч сербов прибыли на предназначенные им места, получившие название «Новая Сербия». Хорват удержал у себя деньги, назначенные переселенцам, и стал обходиться со своими земляками как с крепостными. Эти несчастные со своими сетованиями дошли до императрицы; расследовать их жалобы на месте был послан генерал князь Мещерский. Однако болезнь Елизаветы, другие неотложные дела и, наконец, смерть государыни были причиной того, что по этому делу Сенат так и не вынес окончательного решения. После смерти Елизаветы Хорват приехал в Петербург и подарил по две тысячи червонцев каждому из трех наиболее влиятельных, по его мнению, вельмож, а именно: Льву Нарышкину, чей случай основывался на шутовстве, генералу Мельгунову и генерал-прокурору Глебову. Последние двое доложили об этом императору.

– Вы – честные люди, – сказал им Петр III.

Он похвалил их за то, что они не скрыли от него полученную взятку, и, забрав себе половину, пообещал пойти в Сенат и потребовать решение в пользу Хорвата. На другой же день он так и сделал. Россия, таким образом, потеряла много подданных из тех, кто готов был переселиться, уверясь они, что их соотечественники довольны жизнью на новом месте.

Узнав, что Лев Нарышкин тоже получил деньги от Хорвата, Петр III отобрал у него всю сумму, не оставив даже половины, как двум другим, да еще несколько дней издевался над ним, спрашивая, куда тот потратил деньги, полученные в подарок. Подобные своекорыстные действия унижают даже частное лицо. Насколько же этот поступок, ставший известным всему Петербургу, увеличил всеобщее презрение к монарху! Все смеялись над Петром III и его глупым шутком Львом Нарышкиным.

Из «Записок» Екатерины II:

Его проекты, более или менее обдуманные, состояли в том, чтобы начать войну с Данией за Шлезвиг, переменить веру, разойтись с женой, жениться на любовнице, вступить в союз с прусским королем, которого он называл своим господином и которому собирался принести присягу, он хотел дать ему часть своих войск; и он не скрывал почти ни одного из своих проектов. Ярость солдат против Петра III была чрезвычайна. Вот ее образец. После присяги, пока держали совет, войскам, выстроенным вокруг Зимнего деревянного дворца, было позволено снова надеть их прежние мундиры; один из офицеров вздумал сорвать свой золотой знак и бросил его своему полку, думая, что они обратят его в деньги; они его с жадностью подхватили и, поймав собаку, повесили его ей на шею; эту собаку, наряженную таким образом, прогнали с великим гиканьем; они топтали ногами все, что для них исходило от этого государя.

Из «Истории и анекдотов революции в России в 1762 году» Клода Карломана Рюльера:

Это был отдаленный шум ужасной бури, и публика с беспокойством ожидала решительной перемены от великого переворота, слыша со всех сторон, что гибель Императрицы неизбежна, и чувствуя также, что революция приготавлилась. Посреди всеобщего участия в судьбе Императрицы ужаснее всего казалось то, что не видно было в ее пользу никакого сближения и не было в виду ни одного защитника; бессилие вельмож, ненадежность всех известных людей не позволяли ни на ком остановить взоров; между тем как все сие произведено было человеком, доселе неизвестным и скрытным от всеобщего внимания.

Григорий Григорьевич Орлов, мужчина стран северных, не весьма знатного происхождения, дворянин, если угодно, потому, что имел несколько крепостных крестьян и братьев,

служивших солдатами в полках гвардейских, был избран в адъютанты к начальнику артиллерии, графу Петру Ивановичу Шувалову, роскошнейшему из вельмож русских.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова была младшая из трех знаменитых сестер, из коих первая, графиня Бутурлина, прославилась в путешествиях по Европе своею красотою, умом и любезностию, а другая, Елизавета Воронцова, которую Великий Князь избрал между придворными девицами и фрейлинами. Все они были племянницами нового великого канцлера, гр. Воронцова, которой, достигнув сей степени тридцатилетнею искательностию, услугами и гибкостию, наслаждался ею в беспорядке и роскоши и не доставлял ничего своим племянницам, кроме своей случайности. Первые две были приняты ко Двору, а младшая воспитывалась при нем. Она видала тут всех иностранных министров, но с 15 лет желала разговаривать только с республиканскими. Она явно роптала против русского деспотизма и изъявляла желание жить в Голландии, в которой хвалила гражданскую свободу и терпимость вероисповеданий. ...Молодая княгиня с презрением смотрела на безобразную жизнь своей сестры и всякий день проводила у Великой Княгини. Обе они чувствовали равное отвращение к деспотизму, который всегда был предметом их разговора, а потому она и думала, что нашла страстию любимые ее чувствования в повелительнице ее отечества.

В общем забвении сии-то были две тайные связи, которые Императрица про себя сохранила, и как они друг другу были неизвестны, то она управляла в одно время двумя партиями и никогда их не соединяла, надеясь одною возмутить гвардию, а другою восстановить вельмож.

...Граф Кирилло Григорьевич Разумовский, простой казак, который, живучи в самом низком промысле по брачному состоянию своего брата с покойною Императрицею, достиг до такой милости, что для него восстановили ужасное звание гетмана или верховного Малороссийского казачьего предводителя. Сей человек колоссальной красоты, непричастный ни к каким хитростям и изворотам, был любим при дворе за свою сановитость, пользовался милостию Императора и народною любовью за то, что в почестях и величии сохранял ту простоту нрава, которая ясно показывала, что он не забывал незнатного своего происхождения, неспособный быть начинщиком; от его присутствия в решительную минуту мог зависеть перевес большинства.

...Один человек, который по званию своему казался необходим для той и другой партии, – граф Разумовский.

Из «Записок» Екатерины Романовны Дашковой:

Дела оставались в таком положении вплоть до 27 июня, являющегося днем, навсегда памятным для России и исполненным трепета и радости для заговорщиков, так как их мечты наконец осуществились; за несколько часов до переворота никто из нас не знал, когда и чем кончатся наши планы.

О себе я должна сказать, что, угадав – быть может, раньше всех – возможность низвергнуть с престола монарха, совершенно неспособного править, я много над этим думала, насколько восемнадцатилетняя головка вообще способна размышлять, но, сознаюсь, ни мое изучение подобных примеров в истории, ни мое воображение, ни размышления никогда бы не дали тех результатов, к которым привел арест Пассека.

27 июня, после полудня, Григорий Орлов пришел сообщить мне об аресте капитана Пассека. Еще накануне Пассек был у меня с Бредихиным и, рассказав, с каким нетерпением гренадеры ждут низвержения с престола Петра III, выразил мнение, что стоило только повести их на Ораниенбаум и разбить голштинцев, чтобы успех был обеспечен и переворот был бы завершен. Он добавил, что слухи об опасностях, которым подвергалась императрица, волновали их до такой степени, что скоро их невозможно будет сдержать, и это

брожение среди них, разоблачая наш план, подвергало нас страшной опасности. Я поняла, что эти господа слегка трусят, и, желая доказать, что не боюсь разделить с ними опасность, попросила их передать солдатам от моего имени, что я только получила известие от императрицы, которая спокойно живет себе в Петергофе, и что советую и им держать себя смирно, так как минута действовать не будет упущена.

Пассек и Бредихин в тот же день и говорили в этом смысле с солдатами, что чуть не погубило все дело и побудило майора Преображенского полка, Воейкова, арестовать капитана Пассека.

Когда Орлов прибежал сообщить мне эту тревожную весть (не зная ни причины, ни подробностей ареста), у меня находился мой дядя Панин. Вследствие ли того, что по своему холодному и неподвижному характеру он видел в этом столько трагического, как я, потому ли, что он хотел скрыть от меня размеры опасности, но он невозмутимо стал уверять меня в том, что Пассек, вероятно, арестован за какое-нибудь упущение по службе. Я сразу увидела, что каждая минута была дорога и что придется много потратить времени, пока удастся убедить Панина в том, что настал момент решительных действий. Я согласилась с ним, что Орлову следует прежде всего отправиться в полк, чтобы узнать, какого рода аресту подвергнут Пассек, чтоб сразу можно было определить, задержан ли он как провинившийся офицер или как преступник. Орлов должен был сообщить мне, что окажется, а – если дело серьезно – кто-нибудь из его братьев должен был известить Панина.

Тотчас же после ухода Орлова я объявила, что сильно нуждаюсь в отдыхе, и попросила дядю извинить, если попрошу его оставить меня. Он немедленно ушел, и я, не теряя ни минуты, накинула на себя мужскую шинель и направилась пешком к улице, где жили Рославлевы¹.

Не прошла я половины дороги, как увидела, что какой-то всадник галопом несется по улице. Меня осенило вдохновение, подсказавшее мне, что это один из Орловых. Из них я видела и знала одного только Григория. Не имея другого способа остановить его, я крикнула: «Орлов!» (будучи, бог весть почему, твердо убеждена, что это один из них). Он остановился и спросил: «Кто меня зовет?» Я подошла к нему и, назвав себя, спросила его, куда он едет и не имеет ли он что сказать мне.

– Я ехал к вам, княгиня, чтобы сообщить вам, что Пассек арестован как государственный преступник; у его дверей стоят четыре солдата, и у каждого окна по одному. Мой брат поехал возвестить это графу Панину, а я уже был у Рославлева.

– Рославлев очень встревожен? – спросила я.

– Немного, – ответил он. – Но что же вы стоите на улице, княгиня? Позвольте проводить вас до дому.

– Да никого здесь нет, – возразила я. – Кроме того, не надо, чтобы мои люди видели вас у меня. Впрочем, наш разговор будет непродолжителен. Скажите Рославлеву, Ласунскому, Черткову² и Бредихину, чтобы, не теряя ни минуты, они отправлялись в свой Измайловский полк и что они должны встретить там императрицу (это первый полк на ее пути),

¹ Я должна оговориться, что накануне солдаты, получив откуда-то ложные известия, будто императрицу хотят увезти из Петербурга куда-то очень далеко, собрались было идти выручать ее; их офицерам стоило большого труда их удержать, и им это, пожалуй, не удалось бы, если бы я не разрешила им сказать солдатам, что в тот же день имела сведения о ней и сообщу им, когда придется действовать. Однако, не рассчитывая на то, что офицерам удастся удержать солдат, я написала госпоже Шкуриной, жене камердинера императрицы, чтобы она немедленно же послала своему мужу в Петергоф наемную карету, запряженную четверней, и сообщила бы ему, что я прошу его задержать карету, не выпрягая лошадей, чтобы в случае надобности императрица могла ею воспользоваться для приезда в Петербург, так как ей, конечно, нельзя было бы взять придворную карету. Панин, думая, что событие совершится в отдаленном будущем, признал эту меру совершенно ненужной; однако, не будь этой кареты, бог весть, осуществились бы наши планы, так как заведующий дворцом в Петергофе, Измайлов, не отличался преданностью императрице и воспрепятствовал бы ее бегству, в случае если бы она спросила у него карету.

² Чертков Евграф Александрович (ум. 1797) – гвардейский офицер, участник дворцового переворота 1762 г.

а вы или один из ваших братьев должны стрелой мчаться в Петергоф и сказать ее величеству от меня, чтобы она воспользовалась ожидающею ее наемной каретой и безотлагательно приехала в Измайловский полк, где она немедленно будет провозглашена императрицей; скажите ей также, что необходимо спешить и что я даже не пишу ей, чтобы вас не задерживать; сообщите ей, что я остановила вас на улице и умоляла вас ускорить приезд императрицы; тогда она поймет необходимость своего немедленного прибытия. Прощайте, я, может быть, сегодня ночью выеду навстречу ей.

Когда я вернулась домой, взволнованная и тревожная, мне было не до сна. Моя горничная объявила мне, что портной не принес еще мужского костюма, чем меня очень раздосадовала; для моих людей я легла и отпустила их. Не прошло и часу времени, как я услышала стук в ворота. Я соскочила с постели и, выйдя в другую комнату, приказала впустить посетителя. То был какой-то незнакомый мне видный молодой человек, оказавшийся четвертым братом Орловым.. Он пришел меня спросить, не слишком ли рано вызывать в Петербург императрицу, не испугаем ли мы ее понапрасну. Я была вне себя от гнева и тревоги, услышав эти слова, и выразилась очень резко насчет дерзости его братьев, медливших с исполнением моего приказанья, данного Алексею Орлову.

– Теперь не время думать об испуге императрицы, – воскликнула я, – лучше, чтобы ее привезли сюда в обмороке и без чувств, чем, оставив ее в Петергофе, подвергать ее риску быть несчастной всю жизнь или взойти вместе с нами на эшафот. Скажите же вашему брату, чтобы он карьером скакал в Петергоф и немедленно привез императрицу, пока Петр III не прислал ее сюда, последовав разумным советам, или сам не приехал в Петербург и не разрушил навсегда того, что, кажется, само провидение устроило для спасения России и императрицы.

Он оставил меня, убежденный моими доводами и ручаясь за точное исполнение его братом моих предписаний.

Из «Истории и анекдотов революции в России в 1762 году» Клода Карломана Рюльера:

Орлов узнал от своего брата самые тайные ходы в саду и павильоне. Он разбудил свою государыню и, думая присвоить своей фамилии честь революции, имел дерзкую хитрость утаить записку княгини Дашковой и объявил императрице: «Государыня, не теряйте ни минуты, спешите!» И, не дождавшись ответа, вышел и исчез.

Императрица в неизъяснимом удивлении одевалась и не знала, что начать; но тот же самый Орлов с быстротою молнии скачет по аллеям парка. «Вот ваша карета!» – сказал он, и императрица, не имея времени одуматься, держась рукою за Екатерину Ивановну, как бы увлеченная, бежала к воротам парка.

...Близ города они встретила Мишеля, француза-камердинера, которому императрица оказывала особую милость, храня его тайны и отдавая на воспитание побочных его детей. Он с ужасом узнал императрицу между такими проводниками и думал, что ее везут по приказу императора. Она высунула голову и закричала: «Последуй за мной!» – и Мишель с трепещущим сердцем думал, что едет в Сибирь.

Таким-то образом, чтобы неограниченно управлять обширнейшей в мире империей, Екатерина, руководимая любимцем, прибыла в восьмом часу утра с наемными кучерами, своей женщиной и парикмахером.

Из «Мемуаров» Станислава Августа Понятовского. Письмо Екатерины II С. А. Понятовскому об идее заговора и реализации переворота:

Я незамедлительно направляю послом в Польшу графа Кайзерлинга с тем, чтобы он сделал вас королем после кончины нынешнего, а в случае, если ему не удастся добиться этого для вас, я хочу, чтобы королем стал князь Адам.

Все умы здесь в брожении. Прошу вас воздержаться от приезда сюда, чтобы брожение это не усиливать.

Шесть месяцев тому назад против моего вступления на трон был составлен заговор. Петр III потерял остатки разума. Он обрушивался на всех подряд, он решил уничтожить гвардию и послал ее для этого в поход, заменив оставшимися в городе частями голштинцев. Он собирался перейти в другое вероисповедание, жениться на Л. В., а меня заточить.

В день, когда праздновали заключение мира, он оскорбил меня публично, за столом, и приказал вечером арестовать меня. Мой дядя, князь Георг, вынудил его отменить приказ, но с этого дня я стала внимать к предложениям, делавшимся мне со дня смерти императрицы.

Замысел состоял в том, чтобы арестовать его в его комнате и заточить, как принцессу Анну и ее детей. Он уехал в Ораниенбаум. Мы были уверены в поддержке многих офицеров гвардии; все тайные нити были в руках братьев Орловых – Остен вспоминает, как старший повсюду следовал за мной, свершая тысячи безумств. Его страсть ко мне была общеизвестна – он сам афишировал ее где угодно. Орловы – люди исключительно решительные и были любимы солдатами, когда служили в гвардии. Я в большом долгу перед ними – весь Петербург тому свидетель.

Умы гвардейцев были подготовлены в последние дни, в заговоре участвовало от тридцати до сорока офицеров и более десяти тысяч рядовых. За три недели не нашлось ни одного предателя, все были разделены на четыре изолированные фракции, чтобы получить распоряжения, а подлинный план действий был в руках троих братьев.

Панин хотел, чтобы переворот состоялся в пользу моего сына, но они категорически на это не соглашались. Я находилась в Петергофе, Петр III жил и пил в Ораниенбауме. Договаривались, что в случае предательства не станут ждать его возвращения, а соберут гвардию и провозгласят меня.

Излишнее усердие моих сторонников привело к тому, что предательство свершилось. 27-го в частях гвардии распространился слух, что я арестована. Солдаты были возбуждены, один из преданных нам офицеров успокаивал их.

Какой-то солдат является к капитану Пассеку, руководителю одной из фракций, и докладывает ему, что мое дело плохо. Пассек заверяет солдата: он точно знает, что со мной все в порядке. Тогда солдат, по-прежнему встревоженный моей судьбой, идет к другому офицеру и говорит ему то же самое.

Этот офицер не участвовал в заговоре. Придя в ужас от того, что Пассек отослал солдата, не арестовав его, он кинулся к майору, приказавшему взять Пассека под стражу.

Тут уж встревожилось все полковое начальство, и донесение о случившемся направили той же ночью в Ораниенбаум.

Поднялась тревога и среди заговорщиков. Они решили послать за мной второго брата Орлова с тем, чтобы перевезти меня в город, а тем временем два других брата должны были распространять повсюду весть о моем скором прибытии. Гетман, Волконский и Панин знали об этом.

Я спокойно спала в Петергофе, было шесть часов утра 28-го; день обещал быть спокойным, ибо мне было известно все, что замышлялось.

Внезапно в мою комнату входит Алексей Орлов и говорит мне с величайшим хладнокровием:

– Пора вставать. Для вашего провозглашения все подготовлено...

Я стала расспрашивать его о частностях, а он в ответ:

– Пассек арестован.

Я не колебалась более, быстро оделась, даже не сделав толком туалет, и села в карету, в которой приехал Орлов. Другой офицер, переодетый лакеем, стал на запятки, третий поскакал вперед, за несколько верст от Петергофа.

В пяти верстах от города меня встретили старший Орлов и младший князь Барятинский, уступивший мне место в экипаже, ибо мои лошади выдохлись, и мы вместе направились в Измайловский полк.

Там находились дюжина людей и барабанщик, принявшийся бить тревогу. Отовсюду сбегались солдаты, целовавшие мне ноги, руки, платье, называвшие меня их спасительницею. Двое привели под руки священника с крестом, и все стали присягать мне.

Затем мне предложили сесть в карету, священник пошел впереди с крестом в руках – так прибыли в Семеновский полк, вышедший нам навстречу с возгласами «Виват!». Затем мы направились к Казанской церкви, где я вышла из кареты. Туда прибыл Преображенский полк, также с криками: «Виват!». Солдаты окружили меня со словами:

– Извините, что мы прибыли последними, – наши офицеры арестовали нас, но мы схватили четверых из них с собой, чтоб доказать вам наше усердие!.. Мы желаем того же самого, что и наши братья!..

Прибыла конная гвардия – вне себя от радости. Я никогда ничего подобного не видела: гвардейцы плакали, кричали об освобождении их родины... Эта сцена происходила между садом гетмана и Казанским храмом.

Конная гвардия была в полном составе, с офицерами во главе. Поскольку я знала, что мой дядя, которому Петр III вручил этот полк, ненавидим им, я послала пеших гвардейцев просить дядю оставаться дома во избежание неприятного для него инцидента. Но из этого ничего не вышло: полк выделил команду, арестовавшую дядю, его дом был разграблен, а ему самому досталось.

Я направилась в новый Зимний дворец, где были собраны Синод и Сенат. Поспешно составили манифест, набросали текст присяги. Из дворца я обошла пешком войска – там было тысяч четырнадцать, гвардия и армейские части. Завидев меня, все испустили радостные крики, повторяемые бесчисленной толпой.

Потом я поехала в старый Зимний дворец, чтобы отдать необходимые распоряжения. Мы посоветовались там, и было решено всем, со мной во главе, двинуть в Петергоф, где Петр III должен был обедать. На больших дорогах были выставлены посты: время от времени нам приводили языков.

Я послала адмирала Талызина в Кронштадт. Прибыл канцлер В.³, посланный с тем, чтобы упрекнуть меня за мой отъезд; его отвели в церковь – присягать. Прибыли князь Трубецкой и граф А. Шувалов, также из Петергофа, чтобы принять командование войсками и убить меня... Их также отвели присягать – без малейшего насилия.

Отправив всех наших курьеров и приняв необходимые меры предосторожности, я, около десяти часов вечера, переоделась в гвардейский мундир и объявила себя полковником, что было встречено с неизъяснимой радостью. Я села верхом на коня: в городе мы оставили лишь понемногу солдат от каждого полка для охраны моего сына.

Я вновь поместилась во главе войск, и мы всю ночь продвигались к Петергофу. Когда мы достигли небольшого монастыря, на нашем пути оказался вице-канцлер Голицын с очень льстивым письмом Петра III.. (Я забыла сказать, что при выезде из города ко мне подошли три гвардейца, посланные из Петергофа, чтобы распространять в народе манифест. Они заявили мне:

³ Канцлер М. И. Воронцов.

– Вот что поручил нам Петр III... Мы вручаем это тебе, и мы очень рады, что у нас есть возможность присоединиться к нашим братьям...)

После первого письма последовало второе, привезенное генералом Михаилом Измайловым, который бросился к моим ногам и спросил меня:

– Вы считаете меня порядочным человеком?

Я ответила утвердительно.

– Прекрасно, – сказал он. – Какое счастье иметь дело с умными людьми... Император готов отречься, я привезу его вам после добровольного отречения – и тем помогу моей родине избежать гражданской войны.

Я поручила ему это – Измайлов отправился выполнять. Петр III отрекся в Ораниенбауме совершенно добровольно, окруженный 1500 голштинцами, и прибыл с Е. В., Гудовичем и Измайловым в Петергоф, где для охраны его особы я выделила пять офицеров и несколько солдат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.